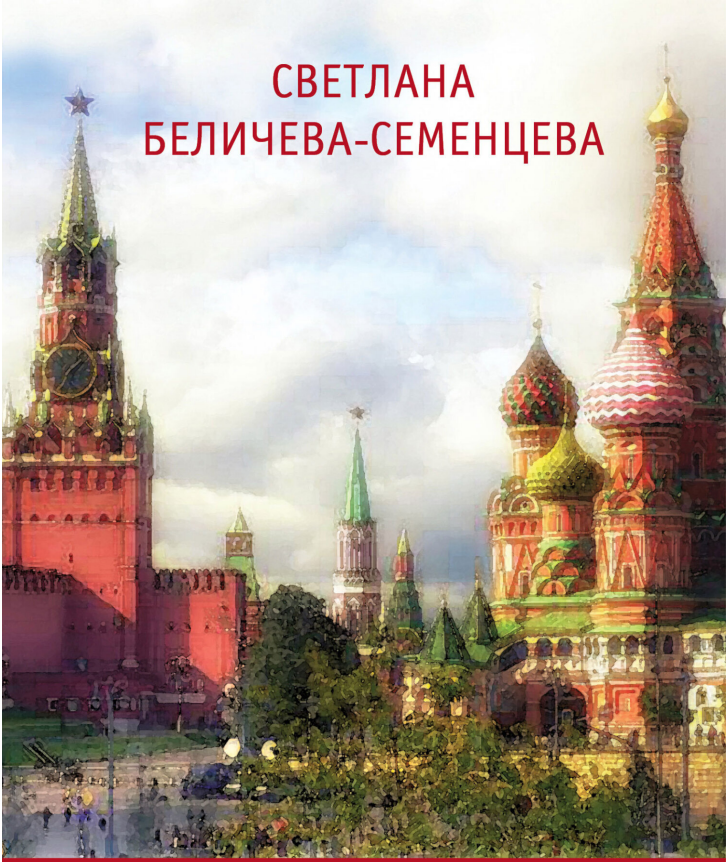

СВЕТЛАНА
БЕЛИЧЕВА-СЕМЕНЦЕВА

В РОССИИ НАДО ЖИТЬ ДОЛГО

Светлана Афанасьевна Беличева-Семенцева

В России надо жить долго

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64026271
В России надо жить долго: Родина; Москва; 2021
ISBN 978-5-00180-080-4

Аннотация

Стоит бегло просмотреть оглавление этой книги, чтобы понять, какой разнообразный калейдоскоп событий в самых разных сферах нашего общества и государства представлен в ней. И этот калейдоскоп отнюдь не плод авторских воспоминаний, хотя и они здесь присутствуют. Основой послужил архив, который автор собирала десятки лет. «Немалого труда составило мне проанализировать и систематизировать это архивное богатство. Представленные здесь события, цифры, факты, персоналии и судьбы отдельных людей дают достаточно полную картину нашей общественной и личной жизни и в не таком далеком прошлом, и в настоящем. И может быть, помогут составить прогноз на будущее», – утверждает автор С. Беличева-Семенцева. Которой хочется верить, что представленная в книге картина жизни общества и государства, составленная из реальных фактов, цифр, событий и персоналий, поможет читателям сориентироваться

в оценке прошлых и настоящих исторических событий и политических деятелей.

Книга адресована тем, кто хочет составить самостоятельное мнение о нашем прошлом, настоящем и будущем.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 5
Долгожданный ветер перемен 10
Не буди лихо, пока тихо 18
Беспощадные педагогические войны 36
Партия – наш рулевой 68
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Светлана Афанасьевна Беличева-Семенцева
В России надо жить долго

О, великая Русь, ты судьбой удивляешь кровавой,
Искупаешь грехи и не можешь никак искупить.
И нести этот крест твоим виноватым и правым,
И потомкам твоим из окрашенных кровью источников пить.
Из сборника «Стремена судьбы» Светланы Беличевой

Предисловие

45 лет тому назад, где-то в 1975-76 годах, у меня появилась привычка вырезать из прочитанных газет заинтересовавшие меня статьи и складывать их в папку. По истечении года я разбирала эти вырезки и раскладывала их по тематике. Получалась интересная картина, отражающая основные тенденции общественного развития и развития страны. В социальной психологии такая работа с документами называется контент-анализ. Представляете, сколько папок с такими вырезками у меня накопилось за эти годы! Ими оказались завалены все антресоли. А еще раньше я начала писать дневники,

в которых отражались не только переживания личной жизни, но и общественные события, интересные встречи и знакомства. И также накопилось несколько десятков общих тетрадей с этими дневниками. С таким информационным богатством надо было что-то делать. Согласитесь, было бы жаль, если бы со временем после моего ухода все это было выброшено на свалку или в лучшем случае сдано в макулатуру.

Где-то после семидесяти, когда я закончила преподавать в вузе и заниматься научной работой, на досуге, которого образовалось достаточно много, я начала разбирать свой архив и погружаться в чтение и своих многолетних дневников, и этих газетных вырезок, разложенных в папках по годам. Это чтение меня захватило. Калейдоскоп событий, происходивших в стране и со страной и с моей собственной судьбой в это бурное время, надо было как-то систематизировать, осмыслить, описать, чем я с увлечением и занялась. Благо к этому времени появился спасительный интернет, и многое из того, чего не хватало в моем архиве, я уточняла и дополняла с помощью интернета. Я описывала общественно-политические события, начиная с перестройки, объявленной Горбачевым, и по настоящее время, включая время так называемой путинской стабильности. В своем описании я опиралась на факты и старалась не демонстрировать своего эмоционального отношения к происходящему, предоставляя читателю самому делать выводы, оценивать события и политических деятелей этого периода.

Единственная тема, по отношению к которой я не могла сдерживать свои эмоции, эта была тема моего главного профессионального интереса, которому я посвятила без малого 50 лет. Я не сразу и очень трудно искала и нашла свое призвание: стать практикоориентированным ученым-психологом и заниматься трудным детством, заложить основы новой психологической дисциплины, превентивной психологии и охранно-защитной превенции отклоняющегося поведения и преступности несовершеннолетних. То есть предупреждать детскую преступность не милицейскими мерами наказания, а профессиональной помощью специалистов психологов, социальных педагогов и работников, дефектологов, логопедов, психотерапевтов и психиатров, помощью как трудным детям, так и их родителям и учителям. Осуществление на практике этой охранно-защитной превенции казалось нереальным и невозможным в силу тех многообразных и сложных нормативно-законодательных, кадровых, финансовых и прочих задач, которые требовалось решить для перехода от административно-карательной к охранно-защитной превенции. Решение этих задач было бы действительно невозможно, если бы не те кардинальные политические перемены, наступившие в стране, вставшей на путь демократизации и гуманизации российской социальной политики и российского менталитета.

В стране, где веками от Ивана Грозного, Петра Первого, большевиков, Сталина и младореформаторов государство не

привыкло считаться не только с отдельной личностью, но во имя своих интересов бросало в топку истории сотни тысяч и миллионы человеческих жизней, сама идея охранно-защитной превенции, предполагающей помощь и поддержку каждому из оступившихся пацанов и их непутевым родителям, казалась идеалистичной и нереальной. И все-таки в лихие 90-е ее удалось узаконить и приступить на практике к переходу от административно-карательной к охранно-защитной превенции. Но, как говорится в русской пословице, «рано пташечка запела, как бы кошечка не съела». В нашем случае в роли кошечки, которая с аппетитом съела финансовое обеспечение охранно-защитной превенции, заложенной в ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», выступила оптимизация, придуманная и насажденная эффективными менеджерами, далекими от всяких идеалистических и гуманистических идей. Но еще дальше от этих идей наши доблестные силовики, включая разнообразный контингент из полиции, росгвардии ОМОНа, ФСБ, следователей и прокуроров, то есть весь обслуживающий персонал полицейского государства, который обходится казне гораздо дороже, чем те скромные специалисты, занятые в сфере охранно-защитной превенции.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», – справедливо заметил поэт. После многолетнего застоя эпохи дорогого Леонида Ильича Брежнева время, в которое довелось

жить нам, забурлило глобальными и трудно перевариваемыми и переосмысливаемыми переменами. И они далеко не последние. Не будучи гадалкой и ясновидящей, я не могу предвидеть, какими будут эти грядущие перемены. Но что они будут, это неизбежно. Может быть читатель, который прочтет весь калейдоскоп разнообразных событий за эти последние 40–35 лет, сохраненных в моем своеобразном и редком архиве, осмыслив прошлое, сможет отчетливее представить, какое будущее он хотел бы для себя и своих детей, и что ему самому стоит сделать, чтобы сбылись эти мечты и желания.

Долгожданный ветер перемен

В этот солнечный сентябрьский день, мое любимое время ранней осени, принарядившись в светлый костюм, на модных белых шпильках и в радостном настроении я вышагивала в свой тюменский университет, счастливая от того, что получила два года полной свободы, не без труда добившись докторантуры с первого сентября 1985 года.

К моему великому удивлению и совершенной неожиданности, на широком университетском крыльце при полном параде меня встречало все университетское руководство: наш лихой и молодой ректор, секретарь парткома и председатель профкома. На мое приветствие ректор ответил: «Ну вот, ждали мадам Горбачеву, а встретили мадам Беличеву». И действительно, Тюмень посетил недавно избранный после череды траурных кремлевских процессий молодой генсек Михаил Сергеевич Горбачев. Свое правление начал он непривычно и можно сказать ошеломляюще для советского народа, привыкшего к шамкающим кремлевским старцам. Свои первые визиты в Киев и Ленинград, транслируемые по центральным каналам, он, во-первых, совершал с неотступно следующей рядом модной, с безупречным вкусом одетой, изящной супругой Раисой Максимовной. И главное, не боялся выходить на улице к толпе народа и беседовать без всякой предварительной подготовки с людьми из этой тол-

пы. В оценке такого непривычного поведения нового генсека общественное мнение разделилось. Всем, безусловно, нравилась доступность, простота и демократичность Горбачева. Но в тоже время в народе как-то сразу и по непонятным причинам невзлюбили Раису Максимовну, неотступно сопровождающую мужа.

Они были очень разные по стилю своего поведения. Непосредственный и многословный Михаил Сергеевич и собранная, взвешивающая каждое свое слово и конролирующая каждый свой жест Раиса Максимовна. В присутствии мужа она, как правило, молчала, никогда не перебивала и не комментировала его. Но, тем не менее, в народе сложилось мнение, что в этой семье руководит жена, что, понятно, никак не добавляло авторитета главе государства. Тогда было не принято писать о личной жизни и личности первых государственных лиц, а тем более об их женах. Это только после смерти Раисы Максимовны в прессе рассказали об ее очень непростом жизненном пути. Выросшая где-то на степном казахстанском полустанке в семье железнодорожного строителя с неграмотной матерью, Раиса всего добилась неимоверным трудом и железной самодисциплиной. Поступление в МГУ для этой глубоко провинциальной девочки уже было подвигом. Жила, как и все провинциалы, в студенческом общежитии в комнате с пятнадцатью соседками, да и потом, распределившись в Ставрополь, на родину Горбачева, они долго бедствовали на съемной квартире со скромными

зарплатами молодых специалистов. Но ее самодисциплина и неуемное честолюбие, стремление во всем быть первой и лучшей не могло не повлиять на мужа и, очевидно, помогло ему сделать свою головокружительную карьеру.

Наш приятель Боголюбов Николай Сергеевич, который в молодые годы отдыхал с четой Горбачевых в Анапе, когда Горбачев еще комсомолил на Ставрополье, рассказывал, как строго соблюдала режим дня Раиса и заставляла следовать этому режиму мужа, любившего повеселиться в молодежной компании. А еще он говорил, что за туфельку жены Горбачев готов все отдать, так он ее любил. И это была любовь, пронесенная через всю жизнь, которую ни от кого не скрывал Михаил Сергеевич. И как бы мы ни относились к Раисе Максимовне, стоит отдать должное этой женщине, сумевшей до конца своих дней сохранить любовь мужа, тем более такого далеко не заурядного мужчины, каким был ее супруг. Но наш острый на язык народец, поднаторевший в застойные времена на сочинении политических анекдотов, ехидных песенок и стишков, не пощадил эту достойную пару. И по стране начал гулять ядовито-насмешливый стишок: «По стране несется тройка – Мишка, Райка, перестройка».

Вот так получилось, что мне пришлось пересечься с Раисой Максимовной и в начале карьерного взлета ее мужа, и в конце ее жизни. Тогда в Тюмени, в третьем городе, который после Киева и Ленинграда посетил вновь избранный генсек, Раиса Максимовна побывала в тюменском универ-

ситете, пока муж заседал с партийными товарищами в обкоме партии. Она обошла библиотеку, несколько аудиторий, не удостоив общением никого, кроме университетского начальства. А ровно через четырнадцать лет, также солнечным сентябрем 1999 года, я по приглашению германской профессорши Хилдегард Мюллер-Коленберг была на научном Бундесконгресе в университете прелестного немецкого городка Оснобрюк. А в госпитале соседнего такого же прелестного немецкого городка Мюнстер умирала Раиса Максимовна. Ее нервная система и здоровье не выдержали всех потрясений, которые принес ветер перемен, переросший в ураган, вызванный гласностью и перестройкой, провозглашенными Горбачевым.

Отдавал ли Михаил Сергеевич отчет в тех последствиях, которые принесет объявленная им гласность в стране, привыкшей десятилетиями жить во лжи и двойной жизнью с одной правдой и разговорами на кухне и другими речами и лозунгами, произносимыми с трибун? Ведь еще совсем недавно все партийные лидеры славословили на юбилее семидесятипятилетнего дорогого Леонида Ильича Брежнева, широкой груди которого не хватало для размещения очередной Звезды Героя социалистического труда. Не меньше славословил и Горбачев, иначе ему было бы не дорасти до почетной должности секретаря ЦК КПСС. Нельзя было отклоняться от линии партии и критиковать эту линию. А те смельчаки, которые рисковали с критикой, даже несмотря на

все свои заслуги и награды оказывались, как академик Сахаров, в ссылке в Нижнем Новгороде или, как знаменитый писатель Солженицын, высланы из страны. Ну а с теми, кто был без громких имен и наград, поступали попроще: помещали если не под арест в лагеря, то в психбольницы.

Знал хорошо об этих правилах советской жизни Михаил Сергеевич и добросовестно следовал им. Следовать-то следовал, но в душе рос протест против лжи и лицемерия, возведенных в государственную политику. И, наверно, наедине с любимой женой и надежным другом он так же, как и другие сограждане на своих кухнях, крамольно рассуждал на эти запрещенные темы. Да и не могло быть иначе. Ведь они оба, что называется, вышли из народа и были знакомы с нуждой не понаслышке, они оба учились в советской школе и были отличниками, а значит, читали русских классиков, которые будили совесть и сострадание, наконец, они оба закончили МГУ им. М.В. Ломоносова, а стало быть, были образованными людьми. И в конце концов, не мог он не рассуждать о судьбе и опыте первого советского генсека-бунтаря Никиты Сергеевича Хрущева. Ведь Хрущев жил и работал не во времена добродушного Брежнева. Сталин с неугодными не церемонился, миллионы надрывались и гибли в ГУЛАГе, сотни тысяч были расстреляны после выбитых изуверскими пытками признаний в несовершенных преступлениях. Работать при Сталине и служить Сталину нужно было и за страх, и за совесть. И служил Никита, еще как служил,

но в душе зрел протест, и зрело негодование и против отца народов, и против его беспощадной жестокости, заставляющей жить в постоянном страхе за себя, за своих близких и, наконец, за неисчислимые безвинные жертвы этой жестокости. Он дождался, дожил до времени, когда не стало вождя, и он смог высказать свое отношение к сталинизму в своем знаменитом докладе на 20-м съезде КПСС, а заодно избавиться от наследия ГУЛАГа. И наступило десятилетие оттепели, когда люди начали освобождаться от сковывающего страха, что сразу же отразилось в стихах, в фильмах, в песнях, в общем самочувствии людей, особенно молодых. Помню, помню я это светло-радостное время своей студенческой юности, захватившее конец хрущевской оттепели, психологическая инерция которой еще сохранялась несколько лет. И недаром Горбачев уже в 1989 году, когда в обществе стало наступать охлаждение к нему и его политике, открыл в московском доме молодежи весьма представительную выставку «Хрущев. 1954–1964 год». Выставка впечатляла и переносила в то незабвенное время, когда в переполненном зале Политехнического музея читали свои стихи молодые Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, пел свои трогательные задушевные песни Окуджава, когда мы стояли в очередях в кассах кинотеатров за билетиками на фильмы «Летят журавли», «Чистое небо», «Сорок первый», «9 дней одного года», когда страна ликовала и приветствовала первого космонавта, такого родного русского парня Юрия Гага-

рина. А еще вызывал улыбку Никита, стучащий ботинком о трибуну ООН.

Но не до смеха было особенно колхозникам, когда вернувшись из Америки, проникнувшийся почтением к кукурузе как лучшей кормовой базе, он потребовал повсеместно всем колхозам, невзирая на погодно-климатические условия, садить кукурузу. Помню, как мой мудрый дядя Федя, председатель колхоза в северном Тевризском районе Омской области, обманул райком партии, засадив кукурузой только обочины полей, а на самих полях высеял привычный для этих мест овес. Когда обман вскрылся, он, конечно, схлопотал выговор по партийной линии, но зато зимой его скот был с кормами, тогда как в колхозах с послушными председателями наступила бескормица. Не захотела американская царица полей приживаться в условиях сибирского севера.

Но недаром говорят: «Наши недостатки – продолжение наших достоинств». Неукротимый и бесстрашный Никита Сергеевич, у которого хватило отваги развенчать культ отца народов, был несдержан, запальчив и непредсказуем в своих неожиданных выходках, что раздражало партийных боссов, стремившихся к спокойной упорядоченной жизни. И им удалось составить кремлевский заговор и спихнуть Никиту, оставив его доживать на даче под домашним арестом. Похоронили его, правда, хоть и тайно, в кругу ближайших родственников, но на почетном Новодевичьем кладбище. А памятник Хрущеву соорудил когда-то раскритикованный им и

выгнанный из страны скандально знаменитый скульптор Эрнест Неизвестный, который в нагромождении черно-белых мраморных плит наглядно выразил противоречивый характер Никиты Сергеевича.

В отличие от Хрущева, Михаил Сергеевич отличался редкостной выдержкой и самообладанием, и потому он, очевидно, считал, что выдержит все неизбежно последующие за объявленной им гласностью и перестройкой общественные завихрения, а также критику и неприятие товарищей по ЦК. Но, ох уж это коварное «но», последствия этой новой политики молодого генсека превзошли все мыслимые и немыслимые ожидания. И ветер перемен, подувший с приходом на политическую арену Горбачева, очень скоро перерос в ураган, который снес и его самого, и саму страну, могучий и нерушимый Советский Союз.

Не буди лихо, пока тихо

Кто бы мог подумать, что в стране, где партийные органы тратили столь неимоверные усилия на идеологическую обработку народа, где повсеместно в коллективах обсуждали и одобряли решения партийных съездов и пленумов, а на демонстрациях носили портреты членов политбюро и кричали в их честь здравницы, где, не читая, осуждали Пастернака, Сахарова и Солженицына, в этой стране, в этом народе было столько недоверия к непогрешимости партии и к самой партии, столько желания жить по правде, не лгать и не лицемерить. Много было этих правдолюбцев и в рабочих коллективах, и в журналистских кругах, и среди творческой интеллигенции. Но и не меньше было и тех, кого раздражали эти правдолюбцы, кто, как говорится, с молоком матери впитал в себя общепринятые нормы лживой жизни и, кроме раздражения и агрессии, ничего не испытывал к правдолюбцам, нарушающим привычный жизненный уклад. И сейчас, когда сам генсек объявил гласность и перестройку, свой критический взгляд недовольные стали публично выражать и прежде всего в своих производственных коллективах. И в газеты, и в вышестоящие органы посыпались жалобы на расправы начальства с этими критиканами. Известный журналист «Литературной газеты» Лидия Графова свою объемную, на целый разворот статью от 22 апреля 1987 года по-

святила описанию тех мытарств и расправ, которым подвергаются правдоборцы в рабочих и научных коллективах, начиная от Камчатки и до закавказских и прибалтийских республик. Вот некто научный сотрудник бакинского филиала НИИВОДГЕО Тамара Филлиповна Гумбарова публично уличила в плагиате Шарифова, стремящегося занять место завлаба. Обиженный Шарипов при поддержке дирекции написал на Гумбарову ложный клеветнический донос в прокуратуру. И три года шли судебные разбирательства, за время которых Гумбарову дважды увольняли, пытались исключить из партии. И когда 11-я судебная инстанция признала ее невиновной, на вопрос, почему Шарипов, уличенный в плагиате, оклеветал коллегу, он, не стесняясь, объяснил «В отместку». Однако, несмотря на плагиат и эту злостную клевету, клеветник получил вожделенную должность завлаба. А у руководства и парткома не клеветник и плагиатор вызвал осуждение, а потерпевшая Тамара Филлиповна, своими жалобами мешающая спокойно жить прежде всего директору Джалилову, под руководством которого их филиал отличался самой низкой эффективностью по всему НИИВОДГЕО.

Увы, если бы это был единичный случай. Ежедневно, пишет Графова, приходится выслушивать горькие истории затравленных за критику людей. Вот и сейчас, не успела журналистка закончить эту статью, как ее уже ждали со своими исповедями плотник из Нефтеюганска и преподаватель вуза из Алма-Аты, уволенные за критику.

Поток таких писем от пострадавших за критику людей шел не только в «Литературную газету». Вот «Комсомолка» описывает еще более дикий случай подобной расправы, закончившийся весьма трагично: гибелью человека, который был в числе преследователей одного из членов коллектива, критикующего сложившиеся в коллективе порядки. В Саранском аэропорту разбился «АН-2», распылявший удобрения на полях. Проведенная экспертиза показала, самолет был абсолютно исправлен, пьян был погибший пилот Савватеев. Пить на службе в Саранском аэропорту стало нормой, где начальник аэропорта Лебедев проводил производственные совещания в нетрезвом состоянии, за что позже и был освобожден от занимаемой должности. Дело в том, что в этом коллективе работал аккуратный дисциплинированный молодой техник Николай Фомин, один из немногих совершенно непьющих работников. Но, в отличие от других непьющих, Коля не мог мириться с пьянством товарищей, уговаривал их не пить, поднимал эту проблему на собраниях, критиковал и другие производственные недостатки. В результате эта критика надоела жившим в соседней комнате в общежитии инженеру Мажитову и его соседу, позже погибшему летчику Савватееву. Друзья ворвались в комнату Николая, и Мажитов жестоко избил его. Товарищеский суд, разбиравший этот инцидент, осудил не того, кто избивал, а того, кто был избит за то, что он спровоцировал драку, что и засвидетельствовал присутствовавший при этом летчик Сав-

ватеев. И Николаю не только вынесли выговор за «провокацию», но и постановили выселить из общежития, чтоб не накалял атмосферу. Однако самое печальное заключается в том, что товарищеский суд выражал коллективное мнение, а не мнение какого-то одного начальника-выпивохи, а стало быть, в коллективе большинство были так морально развращены, что потеряли ориентацию в том, что плохо и что хорошо, и кто прав, кто виноват в этой, казалось бы, очевидной ситуации. Как верно заметил Фазиль Искандер в своей статье в «Огоньке» от 11 марта 1990 года, «Наш народ, крученный-перекрученный за годы унижения и лжи, хотя и исхитрился выжить, тяжело болеет. Для выздоровления ему нужны правда, хлеб и надежда».

Горбачев, призывавший к гласности, видимо, и не подозревал, что многолетние и старательные усилия ЦК КПСС, насаждающие государственную политику лицемерия и лжи, не пройдут бесследно и впитаются в кровь и плоть сотен и сотен тысяч доверчивого населения, среди которого чудом уцелеют отдельные правдолюбцы, принимающие огонь на себя в этой борьбе за право жить по правде.

И если бы эта борьба разворачивалась только в производственных коллективах! Не меньшие страсти разгорелись среди творческой интеллигенции и в научных кругах. Вот в январском номере «Огонька» за 1989 год опубликовано открытое письмо главного редактора «Литературной России» Михаила Колосова к известному писателю, секретарю Рос-

сийского Союза писателей Юрию Бондареву. Колосов начал свое письмо с признания, что Бондарев был его кумиром, с которым сближало фронтовое братство, и трогали его правдивые и честные книги о войне. «Ты выдержал испытание огнем на фронте, – пишет Колосов, – но ты не выдержал испытание властью». И далее он описывает, как, используя свою должность секретаря Российского Союза писателей, Бондарев всеми возможными средствами влияет на редакционную политику газеты, в грубой форме требуя, чтобы публиковались исключительно хвалебные статьи в свой адрес и не допускались никакие другие критические материалы, за публикацию которых грозил разгон редакции. Что и было приостановлено лишь вмешательством Союза писателей СССР. «Такая цензура как твоя, – пишет Колосов, – пожестче той, что насаждалась государственными органами в самые застойные времена. Если та за последнее время стала более умеренной, охраняет только то, что ей положено охранять, то твоя, бондаревская, наоборот, ужесточилась – стала более бдительной и нетерпимой, чем была раньше».

Да, когда Горбачев объявил гласность и отменил цензуру, которая должна была отслеживать лишь сохранение государственных тайн, то он, очевидно, и не подозревал, что за годы правления непогрешимой КПСС выросли цензоры пожестче государственных, которым претило все, что не совпадало с их единственно правильным мнением, как претила и сама гласность, и перестройка, объявленная генсеком. Они,

эти цензоры, объявили войну в пределах своего профессионального поля коллегам, последовавшим призывам генсека. И в результате писательская общественность разделилась на два непримиримых лагеря, один из которых поддерживал демократические преобразования, начавшиеся в стране, другой лагерь был ее непримиримым противником. Противоборствующие стороны сосредоточились под крышей своих журналов. Правые-консерваторы облюбовали журналы «Москва», где был главным редактором Михаил Алексеев, «Молодая гвардия», редколлегию которого возглавлял Анатолий Иванов, и «Наш современник», редактором которого был Сергей Викулов. У них был и свой авторский актив, состоящий из известных и популярных писателей Юрия Бондарева, Станислава Куняева, Проскурина. И уж совсем удивительно и непонятно, по каким причинам к этой компании примкнули и знаменитые писатели-деревенщики Василий Белов и Валентин Распутин, так достоверно описавшие трагедию русской деревни, с которой коммунисты лихо расправились в советские времена. Этими журналами были прикормлены и свои критики, которые, не выбирая выражений, расправлялись с писателями из враждебного лагеря.

Имели свои журналы и левые-либералы. Это были «Новый мир», которым руководил Сергей Залыгин, сверхпопулярный «Огонек», редколлегию которого возглавлял Виталий Коротич, «Знамя» – редактор Георгий Бакланов, «Юность» – редактор Андрей Дементьев, примыкали к это-

му направлению журналы «Нева» и «Дружба народов». В писательском активе либеральных журналов были весьма известные имена: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Даниил Гранин, Владимир Лакшин, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, возглавлявший фонд культуры, созданный по инициативе Раисы Максимовны. И что особенно раздражало их оппонентов из враждующего лагеря, неудержимо росла подписка на эти издания. Лидером был «Огонек», за каких-то три года подписка на журнал выросла в 6 раз и в 1990 году составляла уже 4 миллиона шестьсот тысяч. Не отставал и «Новый мир», подписка на него по сравнению с доперестроечными временами выросла в 10 раз и составляла почти 2 миллиона. На станицах этих журналов публиковались ранее запрещенные авторы и произведения и, что особо интересовало читателя, неизвестные, ранее замалчиваемые страшные факты времен культа личности, рассказывалось о забытых и замалчиваемых невинных жертвах сталинского беспощадного режима. Это не могло оставлять читателей равнодушными, будило от гражданской спячки и равнодушия, призывая каждого к осмыслению общественной ситуации и к политической активности. Помню, когда я прочла в «Новом мире» «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, где он, опираясь на свидетельства многочисленных арестованных и осужденных, показал весь страшный конвеер гулаговской мясорубки от ареста, обыска, изуверских допросов с выбиванием признаний, пересылки в переполненных душ-

ных столыпинских вагонах, предназначенных для перевозки скота, голода, недоедания и изнуряющего труда в гулаговских лагерях, в которых не многим удавалось выжить, я написала заявление в свой партком о выходе из партии. Это был небезопасный шаг, грозивший мне крупными неприятностями. Ведь я работала тогда в самом консервативном институте Академии педнаук, академики и профессора которого яростно боролись с педагогами-новаторами, реализующими идеи перестройки на педагогической ниве. Были и внутренние психологические причины, заставляющие меня колебаться, когда писала заявление о своем выходе из партии. Ведь я вступала в партию по убеждению, что членство в партии позволит мне более активно заниматься общественно-полезной деятельностью. Да и принимал меня рабочий коллектив тюменского моторного завода, выбравший меня в комитет комсомола на освобожденную комсомольскую работу. И все-таки я не могла больше оставаться в партии, у которой руки по локоть в крови, и которая довела страну до столь кризисного состояния. Нужно сказать, что сталинисткой я никогда не была и о преступлениях этого режима знала не понаслышке. Я выросла в северном Тевризском районе Омской области, в дремучем урмане которого было пять сиблаговских поселков, куда в 30-е годы свозили семьи несчастных раскулаченных, среди которых были и мой папа со своими родителями, донскими казаками, так и оставшимися лежать в этой далекой неласковой для них земле.

Но только после прочтения «Архипелага ГУЛАГ» я в полной мере осознала весь масштаб и ужас совершенных Сталиным злодеяний. Да, гласность открыла нам глаза на это. Но что интересно, во время перестройки еще непоколебим был для нас авторитет Ленина, и бытовало мнение, что его политику и идеи извратил Сталин. Не замахивалась на критику Ильича и прогрессивная пресса того времени. И только наш товарищ по Тюменскому университету начитанный и умный физик Валера Неверов, хитро прищурясь, мог задать мне, искренней ленинистке коварный вопрос: «А как вам такое высказывание вождя: «Если не согласны, то пожалуйте к стенке»? Тогда я страшно возмущалась этими осторожными попытками нашего друга очернить авторитет Владимира Ильича. И только через лет через пять и в моих глазах этот непререкаемый авторитет вождя начал меркнуть, что и выразилось в стихах, написанных мной в 1989 году.

Что ж ты наделал, Владимир Ильич?
Какую судьбу уготовил народу
Этот обманно-несбыточный клич
О равенстве и свободах?
Перед резнею гражданской войны,
Сталинского геноцида
Все нации и все сословья равны —
Вот что в бою добыто.
Всепоглощающий аппарат,
Совесть и честь забыты,

Да торжествующий бюрократ,
Дорвавшийся до корыта.
Но очищение гневом грядет
В дремавшем досель народе.
Плотину запретов правда прорвет,
Прорвется совесть к свободе.

Тем временем засияли на писательском небосклоне и новые имена издавших свои произведения, которые были под запретом до перестройки. Увидел свет арестованный когда-то роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором автор посмел провести аналогию между политическими заключенными ГУЛАГа и нацистских концлагерей. Эта аналогия побуждала к размышлению о коммунизме и социализме, ради построения которых непогрешимый Владимир Ильич со своими сподвижниками, казненными потом в 30-е годы, совершил октябрьский переворот и развязал кровавую братоубийственную гражданскую войну. Но тогда было не до этих размышлений, нужно было переварить всю обрушившуюся информацию о жертвах культа личности и все стремительные бурные перемены, происходящие в обществе.

Тогда же мы начали зачитываться романом Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», ярким художественным произведением о сталинских преступлениях и сломанных сталинским режимом судьбах многообещающих молодых людей. И хотя его герои были городскими жителями, москвичами, он сумел показать и страшную трагедию крестьянства в пору

ускоренно проведенной коллективизации. Вот главная героиня романа Варя, уже тогда возненавидевшая Сталина, беседует со старым интеллигентом, Михаилом Юрьевичем, работающим в центральном статистическим управлении, переименованном в ЦУНХУ-Центральное управление народно-хозяйственного учета. Михаил Юрьевич – единственный человек, с кем Варя может откровенно говорить о Сталине и его политике. Собственная сестра, член партии, категорически запретила говорить на эти темы даже с ней, поскольку в противном случае она вынуждена будет сдать сестру на Лубянку. Михаил Юрьевич, владея статистикой, в цифрах рисует трагические результаты ускоренной и насильственной коллективизации. С 1929 по 1933 поголовье лошадей сократилось с 34 миллионов до 17, крупного рогатого скота – с 68 миллионов до 38, свиней – с 21 миллиона до 12. В два раза сократилось поголовье скота, который уводили с домашних хлевов по сути дела на улицу под открытое небо, не успев построить конюшен и коровников и не успев запасти кормов на зиму. Можно представить, как голосили деревенские бабы, цыпляясь за уводимую со двора кормилицу семьи – корову. Мне об этом рассказывала моя деревенская бабушка, мамина мать из сибирской деревни Журавлевка. Когда поздней осенью в ноябре уводили последнюю коровенку, обрекая многодетную семью на голодуху, она выгнала на улицу свою бесштанную команду малолетних детишек, чтоб те облепили корову, голосили и не давали ее увести. К счастью, активи-

сты, проводившие коллективизацию, смилостливились и не стали отдирать от коровы вцепившихся в нее ребятишек. Семья смогла выжить на картошке и молоке, иначе не остались бы в живых моя мама и ее братья, а заодно не появилась бы на свет и я. Благодаря тому, что в Сибири в изобилии садили картошку, ее жители в эти годы не умирали от голода, как вымирали на Украине и в южных районах России, после того как подчистую из амбаров выгребли все зерно. Да и зерна в 1933 году после коллективизации на 21 миллион тонн собрали меньше, что не помешало вывести за границу в неурожайные 1931-32 годы 12 миллионов зерна, тогда как в 27–29 годах вывезли за границу 2,5 миллиона тонн. Сталин, покончив с НЭПом и взяв курс на индустриализацию, за границей обменивал зерно на технику. И если во время НЭПа без всяких человеческих жертв смогли поднять из руин гражданской войны промышленность и сельское хозяйство, то ценой в 13 миллионов крестьян умерших от голода, погибших при раскулачивании и высылки в Сибирь, на север, была оплачена индустриализация. А к этой цифре еще следует добавить трудно подсчитываемые сотни тысяч и миллионы погибших крестьян, высланных в СИБЛАГи, и арестантов ГУЛАГа, ту бесплатную рабочую силу, непосильный 12-ти часовой труд которой оплачивался лишь скудной тюремной баландой.

Выдавая Варе всю эту убийственную информацию о коллективизации и ее трагических последствиях, Михаил Юрьевич убедительно просил ни с кем и нигде не говорить

на эту тему, чтобы не погубить себя. Нельзя было также рассказывать и того, что Варя видела на Киевском вокзале, где вповалку лежали умирающие от голода люди, добравшиеся с голодного юга до Москвы с надеждой на спасение, и откуда их не выпускала милиция. Московский вокзал был оцеплен милицией, умирающих от голода, опухших, обезображенных людей не впускали в город, чтоб не портили картину победившего социализма. Знал ли об этом голодоморе Сталин? Наверно, знал, поскольку после гибельной, ускоренной коллективизации он издал Постановление ЦК ВКП (б) о перегибах на местах, обвинив во всем местные власти, которые добросовестно выполняли спущенную сверху разнарядку. А еще нашлись виноватые в Наркоземе, 35 руководящих работников которого вместе с заместителем наркома Конаром были расстреляны в 1933 году, о чем не преминули сообщить в «Известиях».

Популярность романа Рыбакова «Дети Арбата», в художественной форме описавшего ужасы сталинского режима, была так велика, что его сразу начали переиздавать миллионными тиражами. Очень это не понравилось собратьям по перу из противоположного лагеря. Наряду с положительными отзывами на писателя обрушился град критических статей, публикуемых в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва». Рыбаков вынужден был обратиться с открытым письмом в «Огонек», когда от критики романа его оппоненты перешли на личность автора, искажая и

перевирая его прежние произведения с целью доказать, что Рыбаков, следуя моде, «перекрасился» из сталиниста в демократа. Особенно досталось популярному детскому роману «Кортик». Герои романа, подростки, разыскивая в старой крепости клад, обнаружили вооруженных контрреволюционеров и помогли их изловить. Критик Байнушев, очевидно, не очень внимательно читавший роман, а больше рассчитывающий на то, что и другие не знакомы с этим романом, мальчишек-романтиков превратил в павликов морозовых, доносящих на своих отцов. Как пишет Рыбаков, статья Байнушева началась ложью о «Кортике» и закончилась ложью о «Детях Арбата».

Невольно вспоминаются 30-е годы, когда критики дружно клеймили булгаковщину, произведения и пьесы М.А. Булгакова, добиваясь снятия их с репертуара. Его роман «Белая гвардия», пьеса «Дни Турбиных», в которых русские офицеры, собиравшиеся дружной компанией у своего товарища Алексея Турбина в Городе, где беспрестанно менялась власть от гетмана Скоропадского, немцев до Петлюры и большевиков, совсем не были показаны с классовых позиций, как враги-белогвардейцы. И кроме симпатии и сочувствия, других чувств не вызывали, что уже было смело для того времени, когда шли процессы над врагами народа. И критические статьи в адрес автора носили характер политического доноса. Михаил Афанасьевич скрупулезно отслеживал эти разнузданные, критические публикации, насчитав

301 критическую статью в свой адрес, среди которых только 3 были положительными. Этими нападками и тем, что из репертуаров театров были сняты все его пьесы, а к печати не принимались его произведения, писатель был доведен до серьезного невроза, бессонницы и боязни одному выходить из дому. И вот что интересно, спас его Сталин, который прочитав письмо, написанное писателем, позвонил ему, и следствием этого разговора стало то, что Булгаков получил работу во МХАТе. По распоряжению Сталина в 1932 году был возобновлен во МХАТе спектакль «Дни Турбиных», снятый в 1929 после обильной серии критических статей, написанных собратьями по перу. Так велика была их зависть и желание выслужиться перед властями, что, однако, не спасло многих из этих критиков от ареста и расстрела в 1937-38 годах. И все-таки это удивительно и непонятно, как Сталин, не пощадивший Мандельштама, Пильника, Бабеля, Мейерхольда, несмотря многочисленные критические статьи, носящий характер политического доноса, не только не отправил Булгакова на Лубянку, но еще и поддержал его в самый критический момент жизни. Непрост был вождь и обладал каким-то сверхъестественным чутьем. Он сохранил Булгакову жизнь, что позволило писателю завершить свой последний гениальный роман «Мастер и Маргарита», который Елена Сергеевна, вдова писателя, смогла опубликовать в журнале «Москва» почти через 40 лет после смерти Булгакова, в конце 1966 года, на излете той самой хрущевской оттепели.

Не тронул Сталин и Пастернака, который вместе с репрессированными Бабелем и Мейерхольдом значился в списках вымышленной диверсионной организации работников искусства. Тогда ходили слухи, что Сталин отменил арест Пастернака со словами: «Не трогайте этого небожителя». И оставленный в живых небожитель получил возможность написать роман «Доктор Живаго», который, несмотря на время хрущевской оттепели, не пропустили строгие рецензенты из Союза писателей. Опубликованный в Италии, он был переведен на 24 языка, а автору в 1958 году была присуждена Нобелевская премия. Пастернаку в результате развязанной травли и опасения, что его могут лишить гражданства и выслать за границу, пришлось отказаться от Нобелевской премии. И опять же больше всего старались собратья по перу. На общем собрании московских писателей писатели, не читавшие романа, соревновались в красноречии, осуждая Пастернака. И роман его «поганый», и сам он «предатель, продавшийся за 30 сребреников», и «ему не место на советской земле», «дурную траву – вон с поля!». В обличительном красноречии всех переплюнул председатель КГБ СССР Семичастный, заявивший, что Пастернак хуже свиньи, которая не гадит в корыто, из которого ест. А ведь в романе ничего открыто антисоветского не было, ни критики Сталина и Ленина, ни критики большевиков и революции. Просто показаны мытарства во время гражданской войны врача-поэта доктора Живаго, его жены Жени, его любимой Лары, вынуж-

денный отъезд за границу этих близких ему женщин и одинокая смерть в московском трамвае опустившегося Живаго. Несмотря на все публичные политические обвинения и разнузданные оскорбления писателя, Хрущев, прочитав письмо в ЦК, написанное Пастернаком с просьбой не высылать его из страны, что для него будет равносильно смерти, воздержался от высылки писателя. Не предполагал тогда Никита Сергеевич, что через 10 лет свои мемуары, которые ему запрещали в ЦК КПСС, придется, как и Пастернаку, публиковать на Западе. И также до того, как они будут изданы на родине, их переведут и издадут в 24 странах. Эта массированная и беспрецедентная травля не прошла бесследно для здоровья Бориса Леонидовича. В стихотворении «Нобелевская премия» он писал:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, где-то свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.

И действительно, столь беспрецедентной публичной травли Пастернак не выдержал, сердце «загнанного» писателя вскоре остановилось. После этих событий он прожил чуть больше года.

Горбачевская перестройка отменила политические доносы в форме критических статей, но не укротила завистливо нетерпимое отношение к чужому таланту и успеху,

оставив в распоряжении этих критиканов такие испытанные средства как ложь, клевета, шельмование. К этим средствам недовольные перестройкой и демократизацией прибегали не только в писательских кругах, с этим же столкнулись и мы в той борьбе, которая разворачивалась на педагогических баррикадах.

Беспощадные педагогические войны

Рановато я радовалась и мечтала о безмятежной творческой работе над докторской диссертацией, когда с сентября 1985 года не без боя добилась докторантуры и получила два года свободы от учебных и других нагрузок по кафедре педагогики и психологии Тюменского университета, где я тогда работала. Беда свалилась, откуда меньше всего ждали. За время нашего двухмесячного отпуска бесконечными проверками по всем мыслимым и немыслимым линиям, угрозой увольнения и наказания до больничной койки и тяжелой болезни, пареза был доведен директор подросткового клуба «Дзержинец», местный Макаренко, как его называли в городе, Геннадий Александрович Нечаев. «Дзержинец» располагался в романтическом месте, в старой кирпичной водонапорной башне, выстроенной когда-то тюменскими купцами. С этой башней нам пришлось познакомиться в наш первый день прибывания в Тюмени, когда мы с мужем, оставив нехитрые пожитки на вокзале, шли по деревянным тротуарам очень грязного и убогого города в поисках моторного завода, на вычислительный центр которого были распределены после окончания Таганрогского радиотехнического института. Никто из встречных людей не мог нам объяснить,

где находится моторный завод, и как туда добраться, что было и не мудрено, поскольку, как потом выяснилось, завода еще не было, он только строился. Пройдя пешком полгорода, мы в полной безнадежности остановились около этой самой кирпичной бывшей водонапорной башни, выгодно отличающейся от деревянных домишек, которыми по большей части была застроена тогдашняя Тюмень. И вот чудо, оказалось, что мы остановились на месте никак необозначенной остановки служебного автобуса, который раз в час следовал на моторный, о чем нам сказала ожидавшая этот автобус женщина.

Не думала я тогда, как буду связана с этой башней, и какую роль сыграет она в моей и не только в моей жизни. В следующий раз жизнь меня свела с башней летом 1975 года, когда я была избрана вторым секретарем Тюменского горкома комсомола и в первую очередь озадачена горкомом партии навести порядок в башне, где размещался подростковый клуб «Дзержинец». Клуб некогда был организован молодым сотрудником областного управления КГБ, и когда он уехал, пацаны остались без присмотра, и башня была превращена в притон. По витой лестнице я поднялась на все пять этажей башни и ужаснулась грязи, запустению и многочисленным пустым бутылкам на всех этих этажах. Нужно было решать вопрос с ремонтом, с чем, к счастью, справился студенческий строительный отряд Тюменского университета. Оставалось решить другую, еще более сложную зада-

чу – найти директора этого подросткового клуба, способного успешно работать с трудными подростками. Опрос общественного мнения вывел меня на Нечаева Геннадия Александровича, улыбчивого крепыша, самбиста. Не без труда удалось его сосватать на эту должность, и выбор оказался как нельзя более удачным. Вскоре трудные подростки со всего города, узнав, что здесь можно поднакачаться и освоить самбо, потянулись в башню. Но Генсаныч, прежде чем допустить к самбо, требовал проявить себя в коллективных творческих делах по благоустройству и озеленению города, помощи одиноким ветеранам, участии в поэтических вечерах, спортивных соревнованиях и прочих интересных клубных мероприятиях. Органы самоуправления, командиры взводов и отрядов, до должности которых тоже нужно было дорасти, позволяли Генсанычу без дополнительного штата справляться не с одной сотней подростков, посещающих клуб. А были среди них и немало стоящих на учете в милиции подростков из очень неблагополучных семей, братья которых уже мотали сроки за совершенные преступления. По сути дела Генсаныч в условиях подросткового клуба применял макаренковский принцип воспитания в коллективе и через коллектив. То есть в клубе была создана воспитывающая среда, куда тянуло подростков, ставших изгоями в школе, та среда и отношения, которые воспитывали и перевоспитывали.

Позже и мне пришлось постигать педагогическую систему Антона Семеновича Макаренко, когда после защиты дис-

сертации на факультете психологии в Ленинградском университете, исследовавшей психологию несовершеннолетних правонарушителей, я стала работать на кафедре психологии и педагогики в Тюменском госуниверситете. Мне сразу же поручили руководство макаренковским ФОПом (факультетом общественных профессий). Тогда студенты в течение первых трех лет обучения должны были обязательно посещать по своему выбору один из ФОПов, которых при разных кафедрах было немало. Макаренковский ФОП был одним из самых трудных, поскольку, прослушав на первом курсе теоретический курс, на втором и третьем курсе студенты должны были шефствовать над подростками, стоящими на учете в милиции, бывать у них в школе, дома, помогать с учебой. А главное, и самое трудное, – пытаться оздоравливать семейную обстановку, то есть перевоспитывать не столько подростков, сколько их неблагополучных родителей, злоупотребляющих спиртным, а заодно и благополучных, злоупотребляющих ремнем. Меня очень удивляли и поражали эти 18-19-летние девочки, которые добросовестнейшим образом шефствовали над своими трудными подростками, вели дневники наблюдения, приходили консультироваться в сложных случаях. И двигало ими, как и Макаренко, как и Генсанычем, любовь и сочувствие к этим незадачливым пацанам. Мне было хорошо понятно и знакомо это чувство сострадания и желание помочь трудному подростку. Еще работая в комитете комсомола на моторном заводе, я возилась

с нашими несовершеннолетними прогульщиками, выпускниками ПТУ (профессионально-технических училищ), бывшими детдомовцами. Приходила с тортиками к ним в общежитие, они бывали у меня дома, во все глаза, как музейный экспонат, рассматривая нашу скромную, хрущевскую однокомнатную квартиру, поскольку никогда до этого им не приходилось быть в домашней обстановке. Поражало, как они нуждались в тепле и внимании, и, неизбалованные таким отношением, в благодарность готовы были не только не прогуливать рабочие дни, но и учиться в вечерней школе, доверять свои секреты, лишь бы не потерять это теплое отношение старшего друга.

Особенно ужалило меня сострадание к подросткам-правонарушителям, когда, работая над диссертацией, в следственном изоляторе я проводила их обследование. Замполит следственного изолятора сердобольный Печеркин Михаил Семенович тоже сострадал своим несовершеннолетним заключенным. И когда узнал о теме моей диссертации, пошел на грубейшее нарушение режима, разрешил мне работать в воскресенье, когда не было следователей и охраны, и пустовал пристрой с кабинами для следственных допросов. Он выводил после завтрака пять пацанов, рассаживал их по кабинам, закрывал пристрой на ключ, оставляя меня одну с этими подследственными, совершившими групповые преступления.

Тема моей диссертации была «Престижность и асоциаль-

ное поведение несовершеннолетних», которая должна была выяснить, какие мотивы и причины заставляли сбиваться этих пацанов в асоциальные группы, быстро перерастающие в опасные разбойничьи стаи. Помимо анкетирования и тестирования, мне удавалось разговорить ребят, и исповеди об их безрадостной жизни приводили в глубокое уныние. Для большинства этих подростков было неожиданным открытием, что, оказывается, есть взрослые люди, которые без крика и нравоучений могут спокойно и доброжелательно разговаривать, и которым интересны они и их судьбы. Ведь до сих пор ими интересовались только строгие тетки в милицейских костюмах из инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН), которые грозили им тюрьмой, родителям – штрафами, а еще вызовом на комиссию по делам несовершеннолетних (КДН). Интересное это было образование КДН, работающее на общественных началах и состоящее из представителей милиции, образования, комсомольско-партийных органов. За одно заседание они могли рассмотреть до 30 дел, тратя по 10 минут на каждую неблагополучную семью и подростка-правонарушителя. По итогам такого рассмотрения выносились штрафы, выговоры родителям и письма на их работу, что, конечно, мало помогало в профилактике правонарушений несовершеннолетних. За 20 лет, с 1968 по 1988 годы, в благополучном Советском Союзе преступность несовершеннолетних выросла на 200 %, то есть росла в среднем по 10 % в год.

А Генсанычу удавалось без всяких КДН и ИДН справляться с этими трудными подростками, отрывать их от опасных уличных компаний, мало того, он рискнул принимать в клуб даже и сами эти компании, асоциальные группы и переориентировать их на общественно-полезные дела. Вот эта успешная профилактическая работа Нечаева как раз больше всего и раздражала милиционерш, инспекторов по делам несовершеннолетних. Они первыми начали атаку на «Дзержинец» и ринулись проверять его работу, обнаружив, что в клубе, оказывается, нет планов индивидуальной работы со стоящими на учете подростками и их родителями. Не делил Генсаныч своих питомцев на трудных и благополучных. К милиции подключились представители образования, отправив для проверки въедливую методистку из дворца пионеров, затребовавшую планы воспитательной работы по эстетическому, физическому, патриотическому и прочему воспитанию. Все это воспитание реализовывалось в клубе, но оно не соответствовало бюрократическим требованиям въедливой методистки. Проверяющим милиционершам из инспекции по делам несовершеннотлетних особо не понравился принцип самоуправления, на котором строилась жизнь в клубе. Они считали, что Нечаев из лени перекладывает свою работу на дзержинцев, которые доросли до командиров отряда и самостоятельно вели спортивные секции, вместе с ребятами готовили и проводили различные клубные мероприятия. Подключился к проверкам и совет ветеранов.

Особо старался еще вполне крепкий старичок, служивший когда-то в СМЕРШе и с гордостью рассказывавший, как во время войны он расстреливал и не закапывал. Вот это «не закапывал» он произносил с особой гордостью. Старичку не понравилось вообще все, что он видел в клубе. Как водится, никто из проверяющих не захотел встретиться и поговорить с ребятами, познакомиться с альбомами, где были расклеены фотографии бывших дзержинцев в военной форме, присланные из армии теми подростками, которые когда-то стояли на учете в милиции, и которые могли бы сейчас быть не в военной, а арестантской форме. Обо всех обнаруженных нарушениях проверяющие тут же сообщили в прокуратуру. А поскольку за короткое время андроповского закручивания гаек прокуратуре требовалось особо остро реагировать на сигналы, то в клуб явился и прокурор по делам несовершеннолетних. Пробыл он там 10 минут и пришел к выводу, что изложенные в заявлениях факты подтвердились, и Нечаева следует уволить, а работу клуба временно приостановить. Но уволить Нечаева не успели, парализованный крепыш Генсаныч свалился на больничную койку.

Обо всех этих печальных событиях рассказали прибежавшие ко мне домой взволнованные дзержинцы и макаренковцы. Надо было что-то делать, спасать Нечаева, спасать «Дзержинец». В одиночку с такой задачей было не справиться, и на квартире у меня начал заседать штаб. И тут мы вспомнили всех знакомых журналистов. Тюменский журна-

лист Сергей Пахотин, друживший с Нечаевым и его клубом, опубликовал гневную статью в «Тюменской правде». Связались с Валерой Хилтуненом из «Комсомольской правды», который когда-то был в «Дзержинце» и писал о нем. Валера решил, что с гороно лучше всего справится «Учительская газета», и в Тюмень приехала его жена Лена Хилтунен, работавшая в «Учительской газете» – «Учителке». На имя начальника областного УВД я подготовила коллективное обращение от лица представителей науки, сочувствующих «Дзержинцу» преподавателей университета. И наконец, к делу подключился мой хороший приятель, собкор «Советской России» Игорь Огнев, после публикации которого не так давно от работы был отстранен первый секретарь Тюменского горкома КПСС В.Д. Уграк. И когда Огнев с этой проблемой зашел к секретарю горкома партии, горком партии принял все меры, чтобы загасить пожар вокруг «Дзержинца» и не допустить очередной скандальной публикации в «Советской России», органе ЦК КПСС, что грозило серьезными неприятностями партийному начальству. Общими усилиями «Дзержинец» был спасен, а Генсаныч не только не уволен, но и после больницы отправлен на курорт для восстановления здоровья.

Шум и волну общественного возмущения вокруг «Дзержинца» мы подняли такую, что мне домой позвонила недовольная секретарь горкома партии Тетерина Клара Афанасьевна. Она потребовала, чтобы я прекратила эту шумиху

вокруг клуба, которая не дает им в горкоме партии спокойно работать. На что я ответила довольно дерзко: «Если такие как Нечаев оказываются в больнице из-за всех этих проверок, мы с вами, вы как партийный секретарь, я как ученый, даром едим свой хлеб». Эта дерзость мне дорого обошлась. Клара Афанасьевна потребовала, чтобы городская прокуратура проверила хозтему, которую два года назад мы с макаренцевами провели по заданию областного УВД. Я тогда обобщила данные о подростках, стоящих на учете в милиции и их родителях, над которыми шефствовали мои макаренковцы. На этой основе были подготовлены психолого-педагогические рекомендации для инспекторов по делам несовершеннолетних. Деньги на эту работу были выделены весьма скромные, что, тем не менее, позволило моим лучшим макаренковцам выплачивать скромную зарплату. Когда прокурор города, с которым мы были хорошо знакомы, получил от горкома партии задание проверить эту два года назад закрытую хозтему, он позвонил мне и спросил, что там у меня происходит. Я попросила его об одном: отправить для проверки самого добросовестного прокурора. Времена были андроповские, когда прокуратура и другие правоохранители особо свирепствовали, и, конечно, результатов этой проверки я ждала с большим беспокойством.

А тем временем по городу распространялись слухи, что Беличева с Нечаевым воры. И особенно старался в их распространении ветеран-смершевец, люто ненавидящий нас

обоих. Наконец из прокуратуры было получено официальное уведомление явиться для ознакомления с результатами проверки. Шла я туда, что называется, на полусогнутых. В назначенном кабинете мне навстречу поднялась пожилая женщина в прокурорском мундире, пожала мою руку и совсем неожиданно для меня сказала: «Позвольте Вас поблагодарить за ту работу, которую вы проводите со своими макаренковцами». Она действительно была добросовестным проверяющим и встретилась со всеми студентами, которые значились в ведомости на получение своей скромной зарплаты. И они ей увлеченно рассказывали, как работают со своими подшефными подростками, стоящими на учете в милиции. Это не могло не умилить немолодую женщину, мать и бабушку.

Так благополучно закончилась история с тюменским Макаренко, но у самого Антона Семеновича была более печальная судьба. Несмотря на все его педагогические успехи в знаменитых колониях имени Горького и имени Дзержинского, где из бывших беспризорников и уличных воришек выковывались настоящие мастера своего дела, активные и успешные советские граждане, под натиском въедливых проверяющих педагогическую работу ему пришлось оставить. Не нужны были сталинскому режиму, упражнявшемуся на организации показательных судебных процессов над врагами народа всех мастей, столь честные, нетерпящие любой несправедливости и с такой активной жизненной позицией граждане, как

те, которых воспитывал Макаренко в своих колониях. Но, отойдя от педагогической практики, он не забросил педагогику и оставил ценнейшее литературное наследие, две удивительных художественных книги «Педагогическая поэма» и «Флаги на башне», от которых трудно оторваться, когда читаешь о педагогическом опыте Макаренко и о его непростых воспитанниках. На занятиях со своими макаренковцами я просила их рассказывать о наиболее запомнившихся эпизодах из этих книг. И что интересно, каждый из этих эпизодов мог служить иллюстрацией для социально-психологических и социально-педагогических закономерностей создания коллектива воспитанников и педагогов, коллектива, служащего воспитывающей средой. Отрадно отметить, что Макаренко и его педагогическая система стали широко известны и получили свое признание не только в нашей стране, но и за рубежом. И не случайно 1988 год – год столетия Антона Семеновича – был объявлен ЮНЕСКО годом Макаренко.

В тот год мне посчастливилось поучаствовать в конференции, посвященной 100-летию А.С. Макаренко, которая проходила в Егорьевске, где был детский дом, директором которого до самой своей кончины работал Семен Афанасьевич Калабалин и его жена Галина Константиновна Калабалина. Семен и Галина служили прообразами героев книги Макаренко «Флаги на башнях». Все жизнь они сохраняли благодарную память об Антоне Семеновиче и следовали его примеру в своей работе в детском доме и в своем отноше-

нии к воспитанникам. Их сын Антон Семенович Калабалин пошел по стопам родителей и тоже стал педагогом. На эту конференцию приехали человек шесть бывших воспитанниц Макаренко. Эти живенькие старушки жили в разных городах, имели разные профессии и разные непростые судьбы, но своими белыми блузками, а главное, оптимистическим настроем, которым когда-то зарядил их Антон Семенович, были похожи друг на друга.

Но еще более горькая и трагическая судьба была у другого выдающегося советского педагога Василия Александровича Сухомлинского. На Сухомлинского, директора скромной Павлышевской сельской школы на Украине обрушились не просто проверяющие из районо, на него обрушалась сама Академия педагогических наук СССР. АПН, Академия педнаук была учреждена Сталиным в 1944 году, когда подходила к концу Великая отечественная война, унесшая 28 миллионов советских граждан. И дальновидный вождь процессы воспитания подрастающего поколения решил взять под контроль, с тем, чтобы ученые педагоги разрабатывали методы формирования послушных винтиков в хорошо отлаженной им, отцом всех народов, государственной машине. И ведущая роль в этом отводилась Институту общих проблем воспитания, где заправляла авторитетная тройка, состоящая из директора В.М. Коротова, академика АПН СССР Б.Т. Лихачева (не путать с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым) и профессора Л.Ю. Гордина. Нашелся и подходящий подручный,

владеющий бойким журналистским пером, в ту пору всего лишь кандидат педагогических наук Валентин Кумарин. Не прошла, конечно, мимо этих заправил советской педагогической науки книга сельского учителя «Сердце отдаю детям», вызвавшая одобрительный интерес в нашей стране и на Западе.

Начал эту компанию в 1967 году Борис Лихачев статьей «Нужна борьба, а не проповедь». Лихачев был возмущен тем, что Сухомлинский в одной из своих статей посмел утверждать, что «основное в человеке коммунистического общества – это человечность». Идеологически выверенная позиция заведующего кафедрой Вологодского пединститута была замечена, и Лихачева назначили на должность заместителя начальника отдела педагогической науки Минпроса СССР. А вскоре он дорос и до действительных членов АПН СССР. Заметили и подключившегося к травле Валентина Кумарина, который по личному приглашению президента Академии педагогических наук был назначен ученым секретарем президиума Академии. Бойкий писака Кумарин с одобрения академиков разразился серией статей и доносов в президиум АПН СССР о буржуазной немарксистской педагогике Сухомлинского, «представляющей реальную угрозу как сила, поворачивающая педагогическое мышление в сторону буржуазной теории свободного воспитания». Сухомлинский любил детей, учитывал индивидуальность каждого своего школьника, воспитывая детей добрыми, мыслящими,

всесторонне развитыми людьми. И это тоже ставилось в вину, как противопоставление педагогической системе Макаренко воспитания в коллективе и через коллектив.

Глубоко уязвленной обвинениями в своей педагогической «буржуазности», что, кстати, было весьма небезопасно во времена партийной борьбы с буржуазной идеологией, с болью и горечью Сухомлинский пишет заместителю главного редактора журнала «Народное образование» А.Е. Боеву: «Если бы Вы могли сказать этому негодяю, что то, что я пишу, рассуждаю, написано кровью… Не ему учить меня быть патриотом. Когда в 1942 году я был тяжело ранен на фронте, фашисты повесили мою жену, выкололи ей глаза, а родившегося в застенке ребенка убили, как щенка, ударом головкой о каменную стену, выбросили тельце на свалку, где он лежал три дня».

Через год после этого кровью сердца написанного письма в возрасте 52-х лет Василий Александрович умер. На обвинения в игнорировании педагогической системы Макаренко он ответил в книге «Мудрая власть коллектива», которая вышла уже после смерти автора. Ответил одной образной фразой: «Я не против коллектива. Но я хочу, чтобы ребенок в коллективе был не прутиком в венике, а цветком в букете». В этой книге он описывает свой педагогический опыт воспитания в коллективе, который не подавляет, а помогает, создает условия для реализации и развития индивидуальных особенностей и способностей детей. Конечно, Сухомлинский не

мог в точности повторять систему Макаренко, ведь он работал не в колонии и не с беспризорниками, а в сельской школе, где хорошо знал не только каждого ребенка, но и всех родителей.

Понимая ведущую роль семьи в воспитании детей, он много сил и времени отдавал работе с родителями и по сути дела превратил школу в культурный центр, куда тянулись и взрослые и дети. Об этой многогранной работе директора школы со школьным педагогическим коллективом, с родителями, с сельским социумом Сухомлинский написал еще в одной своей книги «Разговор с молодым директором школы», которая также вышла после смерти автора. Бесценное наследие оставили наши выдающиеся педагоги – гуманисты Антон Семенович Макаренко и Василий Александрович Сухомлинский. Как 1988 год столетия Макаренко был назван ЮНЕСКО годом Макаренко, так и 2018 год, год столетия Василия Александровича Сухомлинского, был назван годом Сухомлинского. Эти два выдающихся советских педагога получили международное признание, однако, к сожалению, оба они оказались не ко двору советской власти, преследующей иные цели в воспитании подрастающего поколения.

Зато Валентин Кумарин оказался очень даже ко двору. Высокие покровители в благодарность за травлю Сухомлинского, ускорившую его преждевременную смерть, решили помочь Кумарину защитить докторскую диссертацию. Спе-

циально для этой цели под него в Институте общих проблем воспитания была создана лаборатория, пять сотрудниц которой добросовестно собирали материалы, архивы, ранее опубликованные работы и статьи о Макаренко и его педагогической системе, что и было темой докторской диссертации Кумарина. Конечно же, Кумарин успешно защитил докторскую диссертацию и уже подумывал о членкоррстве в своей излюбленной АПН СССР. Но здесь судьба распорядилась так, что наши дорожки пересеклись, что для меня обернулось тяжким жизненным испытанием, а для него – бесславным концом его псевдонаучной педагогической карьеры.

В докторантуру я шла не с пустыми руками. Мой самый многочисленный в Тюменском университете ФОП (факультет общественных профессий), в котором занималось по 150 студентов, я сориентировала и на исследовательскую работу. Шефствуя над своими трудными подростками, студенты-макаренковцы обследовали около тысячи стоящих на учете в милиции несовершеннолетних, условия их семейного воспитания, школьную ситуацию, методы профилактической работы ИДН и КДН (инспекций и комиссий по делам несовершеннолетних). Эти наблюдения студенты использовали в своих дипломных работах, а я проводила общий анализ коллективно собранного материала. В результате выяснилось, что лишь 30 % из стоящих на учете в милиции подростков представляют контингент, которым необходимо заниматься милиции, и то не столько подростками, сколько их пьющими

отцами-дебоширами и матерями-алкоголичками и распутницами. Остальные нуждались в профессиональной медико-психологической и социально-педагогической помощи, для оказания которой не было ни специалистов, ни специальной социальной инфраструктуры, не считая таких редких клубов как «Дзержинец». То есть административно-карательную профилактику правонарушений несовершеннолетних необходимо было менять на охранно-защитную. Четкое понимание необходимости этого пришло, но пути практической реализации были совершенно неясны.

Тем не менее, оформившись в докторантуру и прикрепившись для работы над диссертацией к лаборатории исследующей педагогическую запущенность учащихся в этом самом Институте общих проблем воспитания АПН СССР, я начала на всех конференциях, круглых столах и дискуссиях, которых в перестройку было в избытке, толкать свою идею охранно-защитной превенции. В это время Альберт Лиханов, учредивший в 1987 году Детский фонд, открыл лабораторию детских домов в том же Институте общих проблем воспитания. Единственному сотруднику этой лаборатории, глубокому пенсионеру из Министерства образования, было поручено подбирать кандидатуры для работы в лихановской лаборатории. Однако всех, кого приводил пенсионер, Лиханов браковал по причине незнания трудного детства и его проблем. Пенсионер, видя мою активность, рискнул представить меня Лиханову. Моих нужных Лиханову знаний о

детском неблагополучии было в избытке, и я была принята старшим научным сотрудником в лабораторию детских домов, заведующим которой числился Лиханов. Я не случайно употребила слово «числился», поскольку больше с Альбертом Александровичем общаться мне не пришлось. Руководство лабораторией он перепоручил своему заму Карманову Евгению Михайловичу, с которым мы просиживали допоздна, готовя предложения в Правительство по льготам детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, которые Лиханову удавалось протолкнуть на самом верху. Обрабатывали и анализировали сотни писем и обращений, которые шли в Детский фонд и нашу лабораторию, по улучшению условий жизни воспитанников детских домов, где, как правило, царили казенщина и бездушье.

Моя жизнь била ключом и была переполнена трудно совмещающимися проблемами. Нужно было самостоятельно решить жилищную проблему, заниматься обменами квартир и завершить в срок до конца докторантуры, то есть до конца учебного 1987-го года, диссертацию. Со всеми этими проблемами мне удалось довольно-таки успешно справиться. Обмотав все ближайшие подмосковные городки, я удачно обменяла свою тюменскую квартиру на квартиру в Мытищах. Докторскую диссертацию «Социально-психологические основы предупреждения десоциализации несовершеннолетних» в назначенный день, по чистой случайности этим днем оказалось 13 мая 1987 года, я сдала на кафедру соци-

альной психологии в МГУ, где предстояло ее обсуждение и доработка высказанных замечаний. Одним словом, переполненная своими многочисленными заботами, я совершенно не участвовала в жизни нашего Института общих проблем воспитания, в котором тоже обо мне забыли, перепоручив заниматься нашей лабораторией Детскому фонду.

Но пройти мимо такого события как обсуждение на общем собрании Щетинина Михаила Петровича, который числился в штате института и руководил опытно-экспериментальной школой на Белгородчине, я не могла. Дело в том, что Щетинин был одним из ярких представителей педагогов-новаторов, с которыми яростно боролись наши академики и подпевающие им подобострастные сотрудники института. Так же, как я пришла к выводу о необходимости замены административно-карательной профилактики на охранно-защитную, педагоги-новаторы пришли к выводу, что на смену авторитарной педагогике в школу должна прийти педагогика сотрудничества. Но если я в то время не видела возможных путей реализации своих идей, то они уже наработали и использовали в своей практической работе эти методы и способы, позволяющие учителю не подавлять и наказывать учеников плохими оценками, а сотрудничать с ними в процессе обучения и воспитания, делая сам процесс обучения интересным и увлекательным. Щетинин, имея музыкальное образование, был очень озабочен тем, что обучение школьным дисциплинам эксплуатирует в основном левое полуша-

рие, контролирующее логическое мышление, произвольные память и внимание, в то время как урезаны до минимума уроки музыки, пения, рисования, которые могли бы развивать и левое полушарие, оперирующее образами. Кроме того, большая часть школьной жизни учащихся проходит в неподвижном сидении за партой, тогда как развивающийся организм ребенка требует движения, пластики, а значит, помимо уроков физкультуры необходимы и уроки танцев. Но где взять время для всех этих дополнительных правополушарных уроков? И памятуя, что смена деятельности это уже отдых, Щетинин в начальных классах своей школы сократил на 15 минут время уроков и, исключив перемены, ввел дополнительно уроки музыки, пения, рисования, танцев, перемежая их с уроками математики, чтения, русского языка, обществоведения. Свое нововведение было и в старших классах. Здесь, напротив, материал стал подаваться методом погружения, когда всю неделю учащиеся погружались в какую либо тему по истории, литературе, физике, математике, не отрываясь и не переключаясь на другие предметы. В школе ключом била вечерняя жизнь, капустники, поэтические вечера, вечера танцев, где сам директор на баяне играл для танцующих школьников вальсы и фокстроты. Школьникам стало интересно жить и учиться, в школу тянуло. И при этом не только не пострадала, но и улучшилась успеваемость и в начальных и в старших классах.

Казалось бы, надо порадоваться за такую школу и ее уче-

ников. Но у инспекторов из Института общих проблем воспитания, приехавших проверить опытно-экспериментальную школу Щетинина, кроме раздражения эти нововведения ничего не вызвали. Его школа не соответствовала главному критерию, по которому оценивали школы в Академии педнаук: не было порядка. Мало того, были нарушены все установки и предписания Министерства образования, вместо советского учебного заведения Щетинин устроил какой-то цирк. Ох, и досталось же Михаилу Петровичу на этом общем институтском собрании, которое проводилось в лучших традициях открытых судебных процессов над врагами народа! Выступающие буквально рвались к трибуне, чтобы, не выбирая слов, выразить свое негодование и возмущение Щетининым, его школой, а заодно и всеми педагогами-новаторами, посмевшими покуситься на основы советской педагогической науки и практики. Он попытался было объясниться и оправдаться, но был грубо оборван председательствующим директором института В.М. Коротовым и обреченно замолчал. Собрание клокотало около трех часов и двигалось к завершению, когда я попросила слово, которое мне не хотели давать, поскольку казалось, что все негативные эмоции уже выплеснулись. Но я не выдержала и вступилась за Михаила Петровича, а заодно и за всех педагогов-новаторов. И еще сказала, что дискуссии о новых идеях и нововведениях в таком тоне не ведутся, и право, мне неудобно за коллег ученых, коммунистов.

После собрания Щетинин зашел к нам в лабораторию, мы пили чай, и он, как будто забыв о собрании и всех обрушившихся на него обвинениях и оскорблениях, вел философские разговоры о человеке и его миссии. «Вы только подумайте, из чего состоит слово «человек» – чело века, – говорил воодушевленно Михаил Петрович. – Чело, которое определяет, чем, каким содержанием наполнится век, и куда будет развиваться история всего общества и всей цивилизации. Ребенок уже рождается с этим предназначением – быть челом века. Нужно только не подавить, а развить в нем весь заложенный от рождения потенциал. Вот чем прежде всего должна быть озабочена школа». Он как будто предчувствовал, что, несмотря на разгромное общее собрание, ничего страшного с ним не случится, и его идеи восторжествуют. И действительно, судьба педагога Щетинина оказалась вполне благополучной. После разгрома в Институте общих проблем воспитания Михаила Петровича в свою лабораторию перевел доктор психологических наук, действительный член АПН СССР Артур Владимирович Петровский, который вполне оценил педагогические новации Щетинина и предоставил ему полную свободу. Позже Щетинин обосновался в Краснодарском крае, где его школа выросла в настоящую школьную республику со своими производственными цехами, полеводством, садоводством, пошивочными мастерскими, школьным театром, оркестром, хором, танцевальным коллективом, стадионом и оборудованными современными

спортивными снарядами спортзалами.

Но мне, увы, не сошло с рук это заступничество за Щетинина и педагогов-новаторов. Академики в нашем институте были мстительными ребятами, мстить они умели, и особенно изощренно, когда им наступали на больную мозоль. А война с педагогами-новаторами в ту пору была их главной головной болью и еще какой больной мозолью. Особой неприязнью академиков пользовалась «Учительская газета», которая собрала под своей крышей эту небольшую группу выдающихся педагогов-единомышленников из разных городов: учителя математики Виктора Федоровича Шаталова из Донецка, доктора психологических наук Шалву Александровича Амонашвили из Тбилиси, Михаила Петровича Щетинина, работающего на Белгородчине, учителя литературы из Ленинграда Ильина, учительницу начальных классов из Москвы Лысенкову, новаторов семейного воспитания – супругов Никитиных из подмосковного Болшева. Собравшись в доме у Никитиных в Болшево, коллективно они разработали основные принципы педагогики сотрудничества, своего рода манифест педагогов-новаторов, с чем всю заинтересованную общественность и ознакомила «Учительская газета», на главного редактора которой В.Ф. Матвеева дружно ополчились маститые академики. Им удалось добиться снятия с поста главного редактора Матвеева, который активно поддерживал педагогов-новаторов, пропагандируя их опыт среди советского учительства. На его место пришел из

«Комсомолки» умеренный Геннадий Селезнев, не склонный обострять конфликт с академиками, которые своей травлей довели до онкологического заболевания Матвеева, скончавшегося вскоре после отставки.

Теперь эти борцы решили взяться за меня, поручив расправиться со мной проверенному борзописцу Валентину Кумарину, у которого к тому времени взбунтовалась лаборатория, завершившая работу над его докторской по проблемам макаренковской педагогики. Кумарин оказался не столько макаренковедом, сколько макаренкоедом, продемонстрировав свои садистские наклонности на отношении к своим сотрудникам. Если у всех в институте было два присутственных дня, во время которых научные сотрудники распивали чаи и обменивались новостями, то работающие в лаборатории Кумарина должны были приходить в институт каждый день, всю рабочую неделю. Чай разрешался только в обеденный перерыв, никому из посторонних не позволялось приходить в лабораторию, отлучаться сотрудникам разрешалось только в туалет, время посещения которого также регламентировалось 5-7-ю минутами. Он внимательно проверял все бумаги на столе и в столе каждой сотрудницы, с тем, чтобы ничто и никого не отвлекало от работы над макаренковским наследием, то есть от работы над его докторской. Не стоит и говорить о том, что по отношению к своим подчиненным он не считал нужным ограничивать себя в грубых и оскорбительных выражениях. В основном у него работали моло-

дые иногородние бесправные аспирантки, не считая молодого узбека, использовавшегося в качестве личного порученца-ординарца. И хотя эти молодые дамы были изрядно запуганы и деморализованы своим начальником, но все-таки и их терпение лопнуло. Со слезами и истериками они ввалились в кабинет директора и заявили, что больше не могут и не хотят работать у Кумарина. Пришлось эту лабораторию расформировать, рассовав несчастных женщин по другим отделам. Таким образом, ничего не мешало, чтобы оставшегося без подчиненных Кумарина назначить заведующим нашей лаборатории с ответственным заданием скушать меня. Лиханова при этом, чтобы он не возражал против такого решения, повысили до начальника отдела, передав в этот отдел кроме нашей лаборатории детских домов еще и лабораторию интернатных учреждений.

Став моим начальником, Кумарин принялся рьяно выполнять поставленную перед ним задачу: сделать мою жизнь несносной, сорвать защиту докторской, одним словом, затравить, как уже были затравлены Сухомлинский и Матвеев. Естественно, у меня, старшего научного сотрудника, кандидата наук, не было ни такого имени, ни такого авторитета и статуса как у Сухомлинского и Матвеева, и потому справиться со мной столь бывалому макаренкоеду как Кумарин, казалось, должно было не составлять никакого труда. Первым делом он решил ограничить мою всяческую свободу, распространив присутственные дни на всю неделю, с тем, чтобы я

ежедневно сидела в лаборатории, при этом ни с кем не общаясь, и выходила из комнаты только в туалет, и то не более чем на 5 минут. На что я ответила, что я в том случае буду ходить в институт каждый день, если такой порядок своим приказом директор установит для всех сотрудников. А поскольку я сотрудничаю с Детским фондом, то чтобы не ходить туда, он должен будет потребовать от Лиханова и его зама Карманова им самим являться в нашу лабораторию. Не привыкший к такому резкому отпору, макаренкоед разразился грубой бранью и оскорблениями, на что я решила отвечать не меньшим хамством. Он тут же побежал жаловаться директору В.М. Коротову и тем самым получил от меня прозвище «коротовской подстилки». Короче, началась жизнь, которую правильнее было бы назвать боями без правил, и на которую не хватит никакого здоровья и никаких нервов. А здоровье и нервы были нужны и не только для того, чтобы выжить в такой обстановке, но и чтобы быть в хорошем работоспособном состоянии, чтобы доработать после обсуждения на кафедре в МГУ свою диссертацию.

И наверно, без божьей помощи мне было бы не выдержать этого изуверства, и я могла бы свалиться с каким-нибудь неизлечимым недугом, как это уже было с такими выдающимися людьми как Сухомлинский и Матвеев, которые, в отличие от меня, не были непосредственно в подчинении Кумарина, а главное, были лишены такого счастья как общаться с ним лично по восемь часов в эти два присутственных

дня. Но, как это ни поразительно, мне, некрещеной атеистке, нежданно-негаданно действительно пришла божья помощь, что меня не только спасло, но и заставило уверовать в Бога и принять крещение.

В то лето 1988 года мы с приятельницей снимали дачу в поселке Троицком по Волоколамскому шоссе. Это был уютный двухэтажный бревенчатый дом у лесной опушки на краю дачного поселка. Идеальное место для отдыха и работы. Учитывая, что присутственные дни в институте были вторник и четверг, я могла четыре дня с пятницы по понедельник включительно работать над своей докторской. Но после нервотрепки, которую мне устраивал изобретательный Кумарин, я приезжала на дачу буквально невменяемая, неспособная не только работать, но есть и спать. Моя мудрая приятельница, опытная журналистка Инна Титова, видя мое состояние, предложила мне сходить в храм в поселке Троицком. Это был старый намоленный храм, первый храм, который я вообще посетила. Рассматривая старинные иконы, я остановилась около иконы Божьей Матери-Троеручницы и стала рассматривать миловидное лицо молодой женщины, изображенной на иконе. И чем дольше я смотрела, тем спокойнее становилось у меня на душе. А лицо на иконе буквально старело на глазах, образовались глубокие складки у губ, темные впадины под глазами, будто икона оттягивала на себя всю черную энергетику, которой зарядили меня в институте макаренкоеды. Я возвращалась из храма успокоен-

ная и просветленная, вполне готовая к тому, чтоб сосредоточиться над своей диссертацией. И после, чтобы приходить в рабочее состояние, я всякий раз шла в храм к своей спасительной иконе. И что интересно, она могла менять выражение лица в зависимости от той информации, которой я с ней мысленно делилась. Особенно суровым и даже воинственным оно становилось, когда я рассказывала ей о мерзких выходках изводившего меня Кумарина.

И так, с божьей помощью, я доработала свою диссертацию; доработанный вариант был рассмотрен на выпускающей кафедре социальной психологии в МГУ и на первом ближайшем заседании докторского совета должен был представлен к защите. Ни Кумарин, ни его высокие покровители не имели и малейшего влияния на факультет психологии МГУ, чтобы помешать моей защите. Но не допустить к защите, не дав мне положительной характеристики-ходатайства для представления в совет, они могли. И, конечно же, такой возможностью воспользовались. В конце года, в декабре, когда я с высокой температурой лежала дома, Кумарин на заседании лаборатории, где кроме него было еще два послушных сотрудника – пенсионер из Министерства образования и молодой узбек-личный ординарец, доложил о невыполнении мной научного плана, предложил признать мою работу неудовлетворительной и перевести меня в младшие научные сотрудники. То, что такой приказ будет подписан директором, он, конечно, не сомневался, поскольку то-

гда мне была бы обеспечена отрицательная характеристика, при которой совет не имел права принять мою диссертацию к защите. Невыполнение моего научного плана заключалось в том, что я не могла отпечатать на машинке разработанную мной учебную программу для педвузов по подготовке воспитателей детских домов. Машинистка была все время занята печатанием каких-то кумаринских бумаг, никак не связанных с детскими домами и их воспитанниками, чем он вообще не считал нужным заниматься. Но, понятно, мои объяснения никто слушать не собирался. Кумарин и наши академики торжествовали, срывом защиты докторской я была бы достойно и по заслугам отомщена.

Но, как говорится «рано пташечка запела, как бы кошечка не съела». Спасение неожиданно пришло от Леночки, нашей скромной робкой машинистки, вчерашней школьницы. Сочувствие ко мне и возмущение чинимой несправедливостью победили ее страх перед злодеем Кумариным. Во-первых, в тот же вечер после этой злосчастной лаборатории она позвонила мне и сказала, что сейчас должна печатать протокол о моем переводе в младшие научные сотрудники. А кроме того, она выдала все секреты кумаринской писанины. Он все это время, вместо того, чтобы заниматься детьми-сиротами и детскими домами, готовил пространное, изобилующее своими научными лжеподвигами представление на выдвижение в член-корреспонденты АПН СССР. При этом писал и за себя, и за того парня, то есть и за директора, и за тех

академиков, поддержкой которых он заручился. Не учел он одного: что в это время работала правительственная комиссия по реорганизации Академии педнаук, которую курировал секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев, куда я тут же накатала жалобу, перечислив все мошеннические факты, включая и то, что над его докторской трудилась специально созданная лаборатория, сотрудники которой за свою работу получали зарплату из государственного кармана. Написала, что он не стесняется спекулировать и на детях-сиротах, возглавляя лабораторию детских домов и получая за это приличное вознаграждение, так и не приступил к этой теме, а кроме того, мешал работе других, то есть моей. Обвинения были более чем серьезные, и их переправили в партком нашего института.

Секретарь парткома оказался в трудном положении и сосредоточился на поиске компромиссного решения. К такому компромиссу была готова и я, так как получила приглашение от Бочаровой Валентины Георгиевны занять место ведущего научного сотрудника по проблемам профилактики правонарушений несовершеннолетних в ее ВНИКе «Школа-микрорайон». Здесь мне предстояла интересная работа по моей проблеме, тем более, у бочаровского ВНИКа была сотня опытно-экспериментальных площадок по всему Советскому Союзу. Знала я также, что песенка Кумарина спета, поскольку лаборатория детских домов переводилась в Институт детства, созданный Детским фондом, куда этого скандалиста никто брать не собирался. Никто его не хотел брать в свою

лабораторию и в нашем Институте общих проблем воспитания. Директор по старой дружбе протянул ему руку помощи, пообещав, что откроет Кумарину лабораторию под его методологическую тему, если он наберет в нее желающих сотрудников. Обрадованный макаренкоед тут же вывесил плакат с перечислением проблем, которыми намерена заниматься его лаборатория, и с приглашением желающих в ней работать. Как и следовало ожидать, ни одного желающего не нашлось. Слишком прославился он своими скандалами и подлянками. И так новоиспеченный доктор наук, без пяти минут член-корреспондент АПН СССР, несмотря на всю дружбу и помощь директора, оказался на улице. Недолго просуществовал и сам Институт общих проблем воспитания с этой скандально известной тройкой ученых педагогов: Коротова, Лихачева, Гордина. После реорганизации АПН СССР этот институт был упразднен. Как жаль, что до такого бесславного конца педагогических погромщиков не дожил Василий Александрович Сухомлинский, сердце которого не выдержало травли и обвинений в буржуазной несоветской педагогике, обрушенных на него тройкой академиков и макаренкоедом Кумариным, которого он справедливо назвал негодяем.

Партия – наш рулевой

Сталин, учреждая в 1944 году, когда еще шла великая война, Академию педагогических наук, был дальновидно обеспокоен идеологическим воспитанием подрастающего послевоенного поколения. Не могли не волновать партию и ее вождя товарища Сталина и продовольственные вопросы, то есть чем и как накормить население советской страны, которое каждое десятилетие выкашивал голод. Поэтому ВАСХНИЛ, Академия сельского хозяйства, особо была под неусыпным оком партийцев. И очень их раздражал всемирно известный академик, он же директор Института растениеводства и Института генетики, а также президент ВАСХНИЛ Николай Иванович Вавилов, который хотя и выводил новые урожайные сорта пшеницы, но при этом не обещал сиюминутных скорых результатов. И как же кстати объявился малограмотный агроном Трофим Лысенко, закончивший заочно после двухгодичной сельской школы и среднего уманьского училища садоводства Киевский сельхозинститут! Лысенко прославился яровизацией, повышением урожайности путем проращивания зерен пшеницы в холодных условиях, что позже при повторных опытах не было подтверждено и не получило широкого распространения на практике. О яровизации на свою беду одобрительно отозвался сам академик Николай Вавилов. На беду, потому что Лысенко вскоре вме-

сто Вавилова занял кресло президента ВАСХНИЛ, а в 1940 по доносу Вавилов был арестован, приговорен к расстрелу, который позже заменили на 20-летний срок. До освобождения Николай Иванович не дожил, поскольку в 1943 году в возрасте 56 лет умер от голода в Саратовской тюрьме.

Не последнюю роль в обвинении Вавилова в шпионаже сыграло и письмо, которое в 1939 году, уже будучи президентом ВАСХНИЛ, Трофим Лысенко направил главе правительства Молотову, где писал: «Хору капиталистических шавок от генетиков в последнее время начали подпевать и наши отечественные… Вавилов и вавиловцы окончательно распоясались, они стараются использовать международный генетический конгресс для укрепления своих позиций». Таким образом, судьба Вавилова и руководимого им Института генетики и самой науки генетики, а также передового отряда ученых-генетиков и растениеводов была предрешена. Институт был закрыт, генетика объявлена лженаукой, ученые-генетики оказались в лучшем случае безработными, а в худшем – в лагерях и за решеткой, в сельхознауке воцарились нравы лысенковщины. Но зато тем временем процветал со своими соратниками трижды лауреат Сталинской премии Трофим Лысенко. Правда, Никита Хрущев в 1955 году временно отстранил его от руководства ВАСХНИЛом, когда прочел врученное Курчатовым так называемое «Письмо трехсот», в котором 297 крупных ученых биологов, химиков, математиков разоблачали лысенковские лженаучные

идеи, назвав их средневековыми, позорящими советскую науку. Хрущев был искренне возмущен, отправил Трофима в отставку, но через 6 лет по ходатайству влиятельных партийных покровителей снова вернул Лысенко в кресло президента ВАСХНИЛ. Лишь после отставки Хрущева в 1964 году непотопляемый Трофим Лысенко лишился почетной должности президента ВАСХНИЛ. Ему доверили руководить только лабораторией экспериментальной научно-исследовательской базы АН СССР «Горки Ленинские», где и закончил он свою жизнь всеми забытым 78-летним стариком.

Однако семена лысенковщины, посеянные в почву сельхознауки, оказались жизнестойкими и дали многолетние всходы. Вот похожая история с таким же непотопляемым лжеученым, ректором Киевской сельскохозяйственной Академии В. Юрчишиным, которую без малого 12 лет отслеживала «Литературная газета». Первая публикация на эту тему была в «ЛГ» 20 октября 1976 года, как раз ровно за месяц до смерти Трофима Лысенко. И очень может быть, он успел прочесть об «успехах» своих молодых последователей. Из 393 страниц докторской диссертации ректора Юрчишина 250 были не что иное как компиляция и плагиат, списанные с чужих работ. И увы… он был далеко не одинок. В плагиате был изобличен и секретарь парткома В. Ключников, а также и другие диссертации, написанные под руководством этих новоиспеченных докторов наук. Плагиаторы от сельхознауки действовали весьма сплоченно, давая друг другу положи-

тельные отзывы, оппонируя и продвигая нужных людей по служебной лестнице.

«Ведь это шутка сказать, – пишет «Литературка», – одних только родственников среди преподавателей Украинской сельхозакадемии насчитывается более полутораста. Тут и жена самого Юрчишина, и жены некоторых других руководителей академии… Особые надежды возлагаются на тех «остепененных», кто волею судеб оказался наверху». Действительно, круговая порука повязанных откровенным мошенничеством лжеученых помогает таким плагиаторам как Юрчишин выходить сухим из воды. И не просто выходить сухими из воды, но и изощренно мстить тем ученым, кто имел смелость разоблачать мошенников от науки. И потому аж через одиннадцать лет, уже в мае 1987 года, «Литературная газета» вынуждена была вернуться к теме этого разоблачения и его последствиям.

Юрчишин после разоблачения в плагиате был исключен из партии, смещен с поста ректора и перемещен на ответственную работу в другой научный центр. Секретарю парткома Ключникову объявили строгий выговор, но в райкоме партии посчитали возможным оставить плагиатора на должности секретаря парткома Украинской сельхозакадемии. ВАК, посчитав, что исключением из партии Юрчишин и так достаточно наказан, не лишила его незаконно присвоенной степени доктора сельхознаук. А через несколько лет неуспокоившийся плагиатор Юрчишин добился-таки и вос-

становления в партии, написав апелляцию в ЦК компартии Украины.

А тем временем мстительный Юрчишин и его влиятельные друзья единомышленники начали беспощадно расправляться с учеными-экспертами, обнаружившими сплошной плагиат в докторской Юрчишина и других его товарищей лжеученых. За «активное участие в травле ректора товарища Юрчишина» бывшим фронтовикам профессору Л. Гринчуку и директору библиотеки В. Долгополову на бюро Московского райкома партии города Киева были вынесены взыскания. Без работы остались профессор В. Мельниченко и доценты В. Шевчук и И. Шульга. Благодаря вездесущим дружкам Юрчишина, занявшим руководящие посты в различных научных подразделениях, эти высокопрофессиональные специалисты так и не смогли устроиться на работу по специальности, работали сторожами, грузчиками, перебивались случайными заработками. Был исключен из партии и выгнан с работы оклеветанный в пособничестве фашистам в прошлом подпольщик М. Сагач, проработавший 10 лет проректором и 5 лет секретарем парткома. Чтобы отмести все наветы, ему пришлось год собирать документы, получать новый партизанский билет, что и позволило восстановиться в партии. Однако так никто и не ответил за злостную клевету, за которую ученый, бывший подпольщик заплатил потерянным здоровьем.

Вряд ли что-то изменилось в судьбе этих людей после пуб-

ликаций «Литературной газеты». Ведь имена высоких партийных покровителей, благодаря которым творились эти вопиющие безобразия, так и не были названы. Партия – наш рулевой, честь и совесть нашей эпохи – была вне критики.

Все эти метаморфозы с полным оправданием научных мошенников и беспощадным преследованием тех, кто их разоблачает, конечно, вряд ли были возможны без поддержки и одобрения партийных руководителей. Так же, как без поддержки и одобрения всесильных партийных вождей невозможно было бы вознесение на должность президента ВАСХНИЛ Трофима Лысенко с его невежественными средневековыми научными идеями и голодная смерть в тюремных застенках всемирно известного ученого Николая Вавилова.

Такие «успехи» сельскохозяйственной науки не могли пагубно не отразиться на экономике сельского хозяйства, на судьбе нашей многострадальной деревни и ее многомиллионных сельских жителей. Вспоминаю своего 87-летнего деда Илью, сибирского крестьянина, которого я в последний раз видела где-то в году 1973, когда была в гостях у его сына, нашего любимого дяди Феди, в семье которого дед жил. Дядя Федя, всеми уважаемый председатель колхоза Федор Ильич славился в районе как один из лучших председателей и был награжден за успехи своего хозяйства орденом Трудового Красного знамени. Дед гордился сыном и, сидя на скамеечке перед своим деревянным домом, очень любил фило-

софствовать и рассуждать на тему колхоза. В 30-е годы, когда крестьян насильственно загоняли в колхоз, дед противился до последнего. И вынужден был вступить в колхоз, когда обложили по черному, то есть начали все выгребать из амбара и сусеков и уводить со двора всю скотину. Однако к старости он оценил колхоз, при котором все-таки крестьянам стало жить полегче, чем в единоличном хозяйстве, с которого вынуждена была кормиться и одеваться многодетная крестьянская семья. Зерновых, картошки, капусты, овощей надо было вырастить столько, чтоб на всю зиму хватило на пропитание и семье и скоту. А еще надо было посеять, вырастить и обработать лен, из которого зимой бабы пряли нитки и ткали холст, чтобы из него нашить одежду на всю семью. Работать не разгибаясь приходилось от зари и до зари.

– С колхозом все-таки полегшало, – рассуждал дед. – Скота уже столько не надо было держать. Лошади на колхозной конюшне кормятся. А потом и трактора пошли. Совсем облегчение вышло. Пшеницу, рожь тоже начали выдавать на трудодни, самим не надо ростить. Ребятишки в колхозных яслях опять же досмотрены.

Дед и дальше перечислял достоинства колхозной жизни. Одно ему было неясно, почему всем распоряжались откуда-то сверху. Когда, что садить-сеять, когда убирать, какой скот заводить.

– Неужто там наверху виднее? – искренне недоумевал дед. – Вот почему у нашего Федора в его хозяйстве всегда

достаток. А он начальство не слухает. Отчитывается, как положено, как требуют. А сам по своему уму все делает. Да еще и нас стариков спросит, когда садить, когда убирать. Ему партейный выговор за обман дадут. А когда по осени считать начнут, он и в выигрыше. А у председателей, которые начальство боятся и слухают, ни урожая, ни скота, и на трудодни нечего колхозникам дать. Получается, без обмана не проживешь, – с недоумением констатировал дед Илья.

Да, руководящая роль партии распространялась не только на идеологию, требовавшую неукоснительно следовать учению марксизма-ленинизма, она жестко диктовала правила жизни во всех сферах народного хозяйства, от колхоза до научного института и учреждения культуры. От непослушных, особо инициативных и предприимчивых, пытавшихся игнорировать партийные запреты и ограничения, так или иначе просто избавлялись. И засилие послушной серости вело не только к обнищанию колхозов и крестьянства, но и к вырождению некогда всемирно известных научных школ и творческих коллективов.

Вот как описывает журналист «Огонька» Нонна Черных процесс научного угасания в городе науки Обнинске. В Обнинске летом 1954 года заработала первая в мире атомная электростанция. Коллектив ученых под началом Игоря Васильевича Курчатова научил атом работать в мирных целях. В Обнинск хлынули ученые, начали открываться научно-исследовательские институты и формироваться научные шко-

лы. Весь этот расцвет научной жизни в городе науки пришелся на время хрущевской оттепели, когда общество после времени массовых посадок и ГУЛАГа ощутило глоток свободы. Но уже в конце 60-х грянул гром средь ясного неба. Неожиданно был исключен из партии Валерий Павленчук, молодой талантливый сотрудник Физико-энергетического института, секретарь партбюро отдела, работающий над «закрытой темой». Шепотком говорили, что его исключили за связь с Сахаровым и за то, что утверждал, что физика не может быть партийной. Исключение из партии грозило закатом всей научной карьеры. Через полгода после неудачных попыток восстановиться в партии Павленчук умер. А следом из партии исключили редактора популярной городской газеты Михаила Лохвицкого – за то, что посмел явиться на похороны опального Павленчука.

С этого времени начался исход из города крупных ученых, одним из которых оказался Тимофеев-Ресовский, знаменитый Зубр, изображенный в романе Даниила Гранина. А его талантливый ершистый последователь-ученик Жорес Медведев был помещен в психбольницу. Правда, вскоре под давлением научной и творческой интеллигенции его пришлось выпустить. Но нашелся менее скандальный способ освободиться от беспокойного Жореса. Отправили в заграничную командировку и лишили гражданства. Прием испытанный, который потом не раз будет применен и к неугодным писателям, и к не вписывающимся в рамки соцреализма худож-

никам, и к всемирно известной паре артистов – Мстиславу Ростроповичу и Галине Вишневской.

А кто же занимал освободившиеся места заведующих лабораториями и научными секторами после того, как с них были выдавлены крупные ученые, имеющие независимое мнение? А эти места по праву занимали партийные и комсомольские функционеры, научный рост которых, то есть получение ученой степени и соответствующей должности, были заранее распланированы во времени. Понятно, что и содержание науки становилось под стать этим руководящим кадрам. Времена научных открытий были забыты, их вытеснило научное мелкотемье.

Вообще для парткомов НИИ и вузов было довольно привычным делом, используя свои возможности, вставлять палки в колеса в карьерный и научный рост своих коллег и особенно молодых ученых. Причем делать они это любили чужими руками. Однажды в качестве таких рук, которыми гробят чужую научную карьеру, наш партком Тюменского университета, где я работала, попытался использовать меня. Замсекретаря парткома весьма посредственный доцент нашей кафедры педагогики и психологии, что, тем не менее, не мешало ему преуспевать на ниве партийного строительства, суровым голосом приказал мне по телефону «пожестчще» проверить воспитательную работу со студентами кафедры 37-летнего математика, выходящего на защиту докторской. Было понятно, что эта проверка была нужна, чтобы не

допустить этого молодого заведующего кафедрой на защиту докторской. Ведь достаточно по результатам проверки заслушать его на партбюро, вынести выговор, и отрицательная характеристика, при которой ученый совет не может принять диссертацию к защите, обеспечена. А заодно побочным эффектом этой проверки было насолить и мне, то есть испортить мои отношения с матфаком, где я читала свою психологию и всегда могла договориться о подмене, когда нужно было поехать на конференцию.

Отказаться от задания парткома проверить воспитательную работу кафедры я, конечно, не могла, но, правда, уточнила у партийного начальника: «А можно не пожестче, а пообъективнее?», чем малость сбила его суровый начальственный тон. Но настроение у меня было унылое, поскольку никакой воспитательной работы со студентами от кафедры, на которой работало пять молодых математиков, я вовсе не ожидала. И напрасно. Напрасно опасалась я, напрасно товарищи из парткома рассчитывали моими руками расправиться с молодым ученым, не выпустив его на защиту докторской, влепив заслуженный выговор за плохую воспитательную работу. На кафедре отвечал за эту работу выпускник Томского университета, круглый отличник, в прошлом секретарь студенческой комсомольской организации своего факультета. Со всей привычной добросовестностью и свойственной математикам скрупулезностью он вел планирование и учет всех мероприятий, которые члены кафедры про-

водили и в стенах университета, и в студенческом общежитии, и в других общественных местах. И когда я явилась с проверкой, он был искренне рад, что кто-то заинтересовался его работой и работой кафедры. А уж как я была рада, когда готовила положительную справку по итогам своей проверки. Конечно, суровый партийный начальник, требовавший «пожестче» проверить, был искренне разочарован, заслушивание заведующего кафедрой, выходящего на защиту докторской, пришлось отменить, поскольку это заслушивание уже не обещало выговора по партийной линии и срыва защиты. Зато для меня это неприятное партийное задание имело неожиданное и вполне приятное продолжение. С молодым симпатичным выпускником Томского университета, который так скрупулезно планировал и учитывал воспитательную работу, во время моей проверки мы разговорились на разные несвязанные с воспитательной работой темы, ощутили близость душ, задружили, а потом, к полной неожиданности недружелюбного парткома, поженились.

Так что, как говорится, нет правил без исключений: и мне, и нашему соискателю докторской степени с помощью добросовестного выпускника Томского университета удалось ускользнуть от карающей длани всесильных партийных органов. Конечно, мы и наше дело не представляли большой государственной важности и широкого общественного резонанса.

Но недремлющее око партии и ее карающая длань отнюдь

не бездействовали и занимались в первую очередь людьми, имеющими всесоюзную, а то и всемирную известность, такими как трижды Герой социалистического труда, лауреат Сталинской и Ленинской премии академик Андрей Дмитриевич Сахаров, знаменитый писатель, будущий лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. Академик, один из отцов атомной бомбы, пострадал за инакомыслие, за то, что стал размышлять о мирном сосуществовании и конвергенции, политическом и экономическом взаимопроникновении капитализма и социализма, об интеллектуальной свободе и правах человека. И в 1968 году опубликовал на Западе статью на эту тему «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Академик от слов перешел к делу, приняв деятельное участие в создании в 1970 году Комитета прав человека, занимающегося помощью политическим заключенным и помещенным в психиатрические больницы по политическим мотивам. Конечно, за такое поведение и образ мысли Сахаров подвергся публичному осуждению, и прежде всего своих коллег, когда в «Правде» в 1973 году было опубликовано осуждающее коллективное письмо, подписанное 40 академиками. Однако были и такие как Дмитрий Сергеевич Лихачев, который отказался подписывать это письмо, после чего он был избит в собственном подъезде неизвестными лицами в масках, а квартира подожжена. Преступники найдены не были, да их никто и не искал. В 1975 году Сахаро-

ву была присуждена Нобелевская премия мира, а в 1980 году терпение властей лопнуло. Академика лишили всех наград и отправили в ссылку в закрытый для иностранцев город Нижний Новгород. Но надо отдать должное Академии наук СССР, где большинством голосов отказались лишить Сахарова академического звания. Пришедший к власти Горбачев, объявив гласность и перестройку, в 1986 году отменил ссылку академика, продемонстрировав тем самым свою верность курсу, взятому на демократизацию страны.

Но в том же 1986 году из страны был выслан талантливый физик-ускорительщик, ученый со всемирно известным именем, член-корреспондент Академии наук Армении Юрий Орлов. В 1978 году Юрий Федорович был осужден на 7 лет строго режима и последующую пятилетнюю ссылку в якутское село Кобяй у Северного полярного округа. В защиту его писали коллективные письма ученые физики. Также как и за Сахарова, за Орлова заступался академик Капица. Но все оказалось бесполезным. Слишком велика в глазах советской власти была вина Орлова. Он удосужился написать весьма пространное письмо Брежневу, где утверждал, что в стране нет необходимой для руководителей государства обратной связи, то есть гласности, бесцензурной прессы, где можно открыто выражать критическое мнение. Подверг критике научное марксистское мировоззрение и заидеологизированность науки, ограничивающей способность к сложному мышлению. В письме содержались и прочие угрожающие со-

ветской власти предложения, то есть в конечном счете то, что стало реализовываться во времена горбачевской гласности и перестройки. Но его имя было не так известно, как имя Сахарова, а вернее, совсем неизвестно широкой общественности, и потому ничего не помешало гэбэшникам так беспощадно расправиться с правдолюбцем ученым-физиком Орловым.

В расправах с неугодной интеллигенцией КГБ вообще не церемонилось. Журналисту «Литературной газеты» Юрию Щекощихину в разгар перестройки в 1987-88 годах пришлось заниматься делом заведующего кафедрой иностранной литературы, переводчика, историка литературы К.М. Азадовского. Далекий от политики переводчик раздражал кэбэшников своими многочисленными связами с зарубежными литераторами и журналистами, с которыми его связывали как профессиональные литературные интересы, так и просто человеческая дружба. Чтобы не морочить голову, гэбэшники под прикрытием милиции провели обыск на квартире Азадовского, во время которого искали антисоветскую литературу. В результате «нашли» пакет с пятью грамами анаши и заодно прихватили сборник стихов Марины Цветаевой, книги Зощенко, Пильника, Замятина, объявленные антисоветской литературой и позже сожженные, что и было засвидетельствовано специальным актом. За незаконное хранение наркотиков без цели сбыта никогда не бывший наркоманом литератор был осужден на 2 года и этапирован

из Ленинграда в Магадан. Эти события происходили в 1980, и все эти годы Азадовский боролся за восстановление своего честного имени, но участие в этом деле всесильного КГБ заставляло надзорные органы скромно отмалчиваться. И только во времена перестройки, когда сменилось руководство генеральной прокуратуры, и в дело вмешалась «Литературная газета», удалось добиться пересмотра этого сфабрикованного органами дела. «Литературная газета» в своей публикации от 9 августа 1989 года поведала читателям об этой грустной истории, на примере которой можно составить представление о методах работы всесильного КГБ с неугодными интеллигентами.

В те годы в прессе и на партсобраниях склоняли имена двух антисоветчиков, двух будущих лауреатов Нобелевской премии – академика Сахарова и писателя Солженицына. Бывший зэк Солженицын прославился, когда в 1962 году в «Новом мире» вышла его повесть «Один день Ивана Денисовича» о буднях простого мужичка-заключенного, отбывающего срок в лагере незнамо за что. Хотя к тому времени уже прошел 20 съезд партии, на котором Хрущев в своем знаменитом докладе развенчал культ личности Сталина, тема ГУЛАГа и его узников была под негласным запретом. И Александру Тихоновичу Твардовскому, главному редактору «Нового мира» потребовалось личное разрешение Хрущева для публикации этой повести. Способствовал получению этого разрешения помощник Хрущева В.С. Лебе-

дев, который сочувственно относился к крамольным писателям и другим деятелям культуры и по возможности выполнял по отношению к ним адвокатские функции перед лицом строгих судей в ЦК КПСС. Но публикации последующих романов Солженицына на эту гулаговскую тему «В круге первом» и «Раковый корпус» уже ни Твардовский, ни сочувствующий редактору и писателю Лебедев добиться не могли. В 1968 году эти произведения вышли на Западе, после чего Солженицын был исключен из Союза писателей. Однако настоящий громкий скандал разразился, когда в 1970 году ему была присвоена Нобелевская премия с формулировкой «За нравственную силу, с которой он продолжает традиции русской литературы», а затем в 1973 году на западе вышел его роман «Архипелаг ГУЛАГ», материал для которого писатель тайно собирал из свидетельских показаний бывших узников «ГУЛАГа». И в 1974 году антисоветчик Александр Исаевич Солженицын был арестован, обвинен в измене родине, лишен гражданства и выслан из страны. Восстановлен в советском гражданстве Солженицын был в 1990 году на закате горбачевского правления, тогда же в возрожденном «Новом мире» был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», и в 1994 году состоялось триумфальное возвращение писателя на родину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.